

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10-го октября 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

66

10-го жовтня 1930 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Людмила Костина: На волю.
 2. В. П. Елисеев: Филипп Максимович — поселковый атаман.
 3. Петр Крюков: * * Стихи.
 4. В. М. Резников: Молитва.
 5. Гнат Макуха: * * * Вірш.
 6. В. Седов: К Дону.
-
7. Большевики в Казачьих Землях.
 8. П. И. Кокунько: Наше прошлое.
 9. Санжа Балыков: О судьбе калмыцкой литературы.
 10. С. Савельев: Казачьи разговоры.
 11. Думы и мысли.
 12. Казачье колонизационное дело.
 13. Казачья эмиграция.
 14. В Казакии.
 15. В СССР.

Почтовый ящик.

Париж. — К. К. — Так наз. „Войсковой праздник 18 октября“ есть по существу день тезоименитства покойного наследника Алексея. Казакам давно уже пора перестать праздновать царские праздники.

Вольные казаки празднуют древний Всеказачий Праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 (по ст. ст. 1-го) октября.

Югославия. — Вл. К. — Получено. Привет.

Югославия. — А. Г. — Получено. Будет помещено в следующем номере. Привет.

Сев. Америка. — А. А. — Получено. Спасибо. Привет.

Польша. — Ф. Ш. — Дobre. Вітаємо.

Югославия. — Г. А. Получено. Привет.

Югославия. — П. А. — Получено. Будет помещено в след. номере. Привет.

Югославия. — А. П. — Получено. Ответ — особо. Привет.

Франция. — Т. П. — Просьбу исполняем. Привет.

Югославия. — А. Ч. — Получено. Спасибо. Привет.

Сев. Америка — В. Т. — Получено. Привет.

Славков. — Н. С. — Журнал на полгода стоит 30 крон. Привет.

Болгария. — П. К. — Ответ послан. Привет.

Бразилия. — С. С. — Дякуємо. Вітаємо.

Париж. — Д. В. — Получено. Привет.

Харбин. — П. К. — Получено. Привет.

Сев. Америка — П. К. — Можно. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

А. Шапошников. Сливен.

С. Мукуленов. София, кв. X.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kunišćak, „Ruski dom“.

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

M-r Ivanoff, cantine russe, „С. G. с. В.“ Paray le Monial (Saone et Loire),

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sass, koff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Chapel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. И. Абушинов. M-r Abouchinoff, Cite Naval, 28 Couëron (Loire Inf.)

В ПОЛЬШЕ:

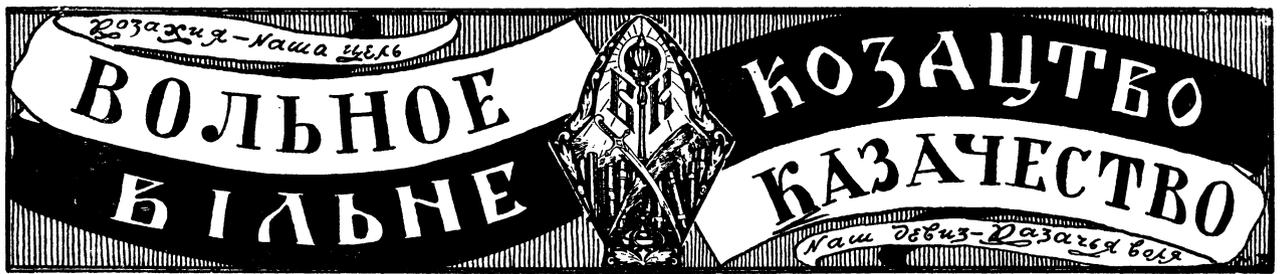
Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochová, 130. Tchécoslovaquie.

№ 66

Прага, пятница 10-го октября 1930 г.

№ 66

Людмила Костина. (Югославия).

НА ВОЛЮ.

Снимите с меня золотые оковы,
Возьмите звенящую цепь
И дайте взамен мне коня вороного,
Пустите на волю лететь.

Я „Вихрь“ дам имя коню вороному...
Взовьется мой конь и заржет,
Как вихрь он помчится к родимому Дону,
Далеко меня унесет.

Далеко останутся горные цепи,
Покроет их белый туман,
Вдали развернутся привольные степи,
Покажется старый курган.

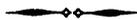
Заплещутся волны широкого Дона,
Послышится клекот орла,
И я только здесь, только в этом покое
Сдержу вороного коня.

Окину я взором картину родную,
Вздохну полной грудью легко,
На землю склоняюсь, в первый раз отдохну я,
От душных громад далеко.

А после, я буду по степи носиться
И с ветром в лавитки играть.
Мой Вихрь взовьется, начнет горячиться,
Копытами травы топтать.

Ночь подойдет... Утомившись игрою,
Я и мой друг притаимся в тиши
Слушать предания дедушки-Дона
О прошлом седой старины...

Снимите с меня золотые оковы
Пустите на волю скорей!
О, дайте мне, дайте коня вороного —
Простора зеленых степей!

В. П. Елисеев (В. Петров).

Филипп Максимович — поселковый атаман.

Кузнецов — фамилия его „по книгам“ — можно сказать, мало кому была в хуторе известна. Филипп Максимович — имя и отчество его — наоборот, хутор дружно воспринял с самого того солнечного, весеннего, на „Красную горку“ утра, когда он, Кузнецов, „парнишка“, появился на Божий свет. Его с самого с малых лет, младенца все величали по имени — отчеству, как взрослого. Да еще и не одним только именем — отчеством, а обязательно еще присовокуплялось... „поселковый атаман“. Так и называли — Филипп Максимович — поселковый атаман.

Обухова Дуня — соседка Кузнецовых — рассказывала, что отец новорожденного был виноват в таком длинном имени сынишки. Она присутствовала при наречении имени ребенка. Если ей, бабе, верить, то дело обстояло так:

В то солнечное утро, когда у Кузнецовых случились роды, у Дуни вывелись гусята, и она спозаранку полетела с ними „на выгон“, к „могилкам“. Оporожнив сито от пицавших, похожих на ежиков, желтеньких гусят и не успев еще налить в сковороду воды, Дуня услышала отчаянный крик и какой-то задушенный стон. Насторожилась. Через базы догадалась, что кричали у Кузнецовых.

— Уж не с Гашей ли что случилось? — подумала она об „односумке“-подруге, зная, что та „ходила на днях“ — была в „положении“. И прямо („глаз“ уж такой „дурной“ у Дуни), как подумала, так и вышло. Прибежав к Кузнецовым, Дуня нашла свою задушевную подругу мертвой, самого Кузнеца и детей безнадежно стонущими, а бабу Кузнецову, повитуху — с детенком на руках...

Бабы шли на „могилки“. — Был поминальный день — „Красная горка“. Все плакали, охали и вздыхали, проходя мимо Кузнецова двора. Для хутора было страшное несчастье. Дед Заяц под сараем стругал доски. На гроб. Набежавшие откуда-то во двор к Кузнецовым чужие детишки забавлялись кучерьями стружками, что выскакивали из-под рубанка Зайцева деда. Дуня, сидя возле „новопредставленной“ подруги, кормила свою грудью родившегося младенца, виновника смерти матери, а оставшийся вдовцом Максим Кузнец и „мелкие“ его дети-сироты все горько плакали...

К вечеру, перед выносом тела покойницы, к Максиму подошла бабка-повитуха и, показывая на новорожденного, сочувственно заговорила. — Ты, Филиппыч, уж так не убивайся крепко. Что жалко, то жалко, — сказала она Максиму — но покойницу-то уже

не подынешь из гроба. Думать надо больше о живых. Ишь, их сколько осталось то на твоей шее. Есть о чем поразмыслить...

Максим или мало что понял из сердобольных советов бабки-повитухи или ее не расслышал хорошо, но только, прильнув головой к доскам гроба, он ничего ей не ответил.

— Я говорю, Филиппыч, об этом вот... — толкнул по плечу Максима, не отставала неугомонная бабка. — Не очень-то он болятенский... Родился в смерти... Не ровен час, сохрани Бог, умрет нехрещеным... Знаешь, что ожидает на том свете нехрещеных? Они бродят там слепыми. Вечные страдальцы они, бедненькие...

— А?.. Что? — встрепенулся Максим.

— Я говорю, Филиппыч, похороны похоронами. А нужно поспешить и с крестинами. Имя ему дай...

— Имя? — переспросил Максим, очнувшись. — Имя? — говоришь. Имя ему мы дали, загодя. Вместе с покойницей. Совет был общий. В случае парнишка, называть Филиппом. По деду покойному, по Филиппу Максимовичу... Помнишь, небось, Филиппа Максимовича-то? Нашего поселкового атамана?..

— Помню. Как не помнить-то. Его все помнят, — подтвердила бабка-повитуха...

Больше, собственно, и разговора никакого не было между Максимом и бабкой-повитухой о наречении новорожденного. А разнесла ли по хутору невинное желание Максима, подскокившая к нему не в пору, радивая бабка или сама Дуня, хлопотавшая все время для поминок, не сдержалась, чтобы не почесать, между делом, язычек у загнетки, — Обухова Дуня умолчивала. Известно было только всем и каждому, что, родившегося от умершей от родов Кузнечихи, „парнишку“, отец назвал „Филиппом Максимовичем — поселковым атаманом...“

Отец утешался, вспоминая в большом горе деда младенца, бывшего ни один год видным, почетным человеком поселка — его атаманом, а хутору — придира... Уж так всегда. — На кого Бог, на того и люди...

Детство Филиппа Максимовича — поселкового атамана?.. Да, да. Стоит отметить...

Только, как авансом... Детство Филиппа Максимовича совсем не похоже на те „детства“, которые мы знаем из книг...

Кроме острой боли да густого, темного осадка — „хуза“, оставшегося как от сурепного масла на дне бутылки, на душе ничего не чувствует он от детства. А потому „жалеть“ и „лелеять воспоминания“ об этом раннем периоде Филиппу Максимовичу нечего...

Конечно, полосатую, красную боковую льлячку, привязанную к потолку хаты четырьмя „жичными“*) поясами, Филипп Максимович совершенно не помнит, как не помнит и того, что вместо родной материнской груди он сосал „рожок“ да несладкую соску из нажеванного в ней „пирого“. Да и те-то сосал недолго. Не допустив и до года, взяли да и „отняли“ его, зачислив на общий стол, как семьянина. Тогда Филипп Максимович набросился на мягкие печеные кабаки... Может быть от этого, когда он вырос, и питал он к печеным кабакам такое страшное отвращение, хотя кабак, собственно говоря, если уж вещь не роскошная, то, во всяком случае, сладковатая. Но Филиппу Максимовичу, бывало, и на дух его не носи. Всю жизнь печеный кабак у Филиппа Максимовича вызывал тошноту...

Смутно припоминаются пятилетнему Филиппу Максимовичу большие, не по его росту, братовы сапоги, овчинный с белыми латками, отрепанный полушубок, а летом — грязные, голые, с порепанными пятками ножки и засушенная арбузами рубашенка.

Явственно помнит Филипп Максимович полосатую, как и льлячку, сумку и промасленный букварь и тетрадки. Школьником. Всегдашнюю возле себя гурьбу ребят, птешающуюся над его бедной одежкой и особенно над его своеобразным именем — „Филиппом Максимовичем — поселковым атаманом...“ Над последним ребятам не только потешались, но и зло подсмеивались.

И так дразнили его, беззащитного, что ему было больно, больно до слез. Тогда он, доведенный до отчаяния, забивался в сарай или темный куток хаты и долго, долго плакал... Боль от слез, правда, немного проходила, но досада на сердце оставалась. На ребят, на самого учителя, что тот плохо за него заступался, на Холодный хутор, на весь белый свет...

Третья весна его школы уже врезалась в память Филиппу Максимовичу навсегда.

Был хмурый весенний день. День ранней весны. В этот день небо, обещавшее с утра весну, уже к завтраку внезапно заволочилось не то снежными, не то дождливыми черными тучами, а чувствительные деревья, начинавшие уже распускаться, зачужь вернувшуюся зиму, поспешили сворачивать ожившие было почки; молоденькая же травка, зазеленевшая совсем не для непрошенной зимы, просто шмыгнула под землю...

Вот в такой именно день Филипп Максимович, ежась от сивирки, сидя на черной гробовой крышке, ехал на „могилки“. Впереди шли люди. Не очень много людей. Так что виден был впереди не только черной краской покрашенный гроб, а и как дымил ладон в кадилнице попа. Грустно раздавались и замирали звуки большого колокола. — Звонили „до душе“. Когда гроб опускали в могилу, научили Филиппа Максимовича бросить в могилу земли. Помнит. Бросил горсточку осторожно... Помнит, что именно в этот хмурый день у него не стало отца...

На девятую весну своей жизни Филипп Максимович уже „тянул кося“, наравне с большими. Брат — ряд, и Филипп Максимович — ряд. Зеленая трава тяжелая — чувствительно слабым рученкам. Но кто пожалеет? — Брат — не отец и не мать...

Каждое лето не слезал с сиделки „лобогрейки“ и не сходил за всю молотбу с „посада“ — погонял котки. Каждую осень пахал озимое, а то и поглубже — на „зябь“. Зимой „порал“ скотину. Приходилось по большим морозам нередко „бить“ камыши. Раз уволился и, простудившись, долго лежал в горячке. В бреду все звал „маму“. А когда оздоровел, то сам же удивился. Как это ему втрапилось в голову „мама“, когда он ее никогда и не видел?..

Как видите не „литературное“ было детство Филиппа Максимовича — поселкового атамана...

Дальше — отрочество. Вернее, возраст „выростка.“ „Сидел сиденки“ при станичном правлении, ходил осенью на „учение“... Потом — „малолеток“. Лагерный сбор на Белой Речке, строевой конь и она — четырехлетняя „действительная“.

Службу ему удалось „сломать“, как одному из последних. Это можно судить потому, что когда Филипп Максимович пришел со „службы“ домой, в хутор, то кроме золотых его букв: Д. Б. (Донская Батарея) на погонах, воротник и обшлага зеленоватого, артиллерийского его мундира были обшиты сверкающими золотыми галунами. А (что значит служба!) на руках белых, как у хуторского учителя, были белые лайковые перчатки. Вышолощенное на „службе“ здоровое, румяное лицо было чисто выбрито, а подрубленные сзади русые волосы красиво зачесаны назад, по „полковому“. Мундир и сам „служивый“ хуторских ребят и девок уверили в том, что Филипп Максимович „душит“ духами. А эту — маленькую редкость в хуторе — мало кто себе позволял, почему хуторские девки так и таили перед „благородством“ Филиппа Максимовича. Да что хуторские девки. Сами казаки первыми снимали фуражки „служивому“, почитали Филиппа Максимовича...

Но почет-то почетом и „благородство“ „благородством“, а Филипп Максимович понимал, что жениться ему к себе, в дом не имеет интереса. Да и кинься сватать, какая тебе нравится, еще и не пойдет, не отдадут. — Бедность слишком в глаза всем бросается. А потому он, пользуясь авторитетом „служивого“, высматривал хороших людей, с целью „пристать в зятя“.

Случается нередко: что нужно одному, то ищет и другой. И вот с Ковыкова, с нового хутора на „Садковке“, Бог и послал Филиппу Максимовичу таких людей, каких он высматривал. Навели эти люди о Филиппе Максимовиче нужные справки, а хутор посоветывал. Что беден, мол, беден. Но не пьяница и не

*) „Жичь“ — шерсть в пряже.

картежник. Не льстивые речи сказал хутор за Филиппа Максимовича, а доброе слово, правду. Известно было всем, что парень работающий и не выпиваха. А нужду знает больше, чем кто. — Сирота с малечку...

Прошло ни больше, ни меньше, как пять лет... Отставляя в лютую 1919 году зиму, под Рождественские праздники родной мой хутор, второй мой ночлег я имел в хуторе Конькове. Была, как раз, Рождественская ночь. Забитый беженцами, хутор Коньков, неспокойно угомонившийся с вечера, поспешно поднявшись от первого колокольного удара, повалил в церковь. На яркие ее огни пошел и я.

Церковь, как и сам еще неотстроенный хутор Коньков, была новая. В ней пахло деревом и краской. На стенах попадались начатые и недоконченные лики святых...

Но по довольному виду молящихся Коньковцев я заметил, что церковь, которую они сделали, еще не успев на новой земле хватиться за силу, была для них наивысшим нравственным удовлетворением. Даже гордостью. Выстроенная на их в большой нужде обрященную копейку, она духовно спаивала их, собравшихся сюда из разных хуторов, подбадривала их, патриархальных в их новой жизни, облегчая их страдания и суля им надежду на лучшую новую жизнь.

Вдали от родной станицы и хуторов, где родились и повзросли граждане нового хутора Конькова, без святого храма-рассадника душевного тепла и света — глухошумящие камыши Маныча были бы им страшно жуткими...

Но не о церкви, собственно, речь.

Когда я, восхищаясь энергичностью переселенцев — Коньковцев, и удивляясь их бесконечным жертвам, смо-

трел на расписанный, как живыми красными и голубыми розами, раззолоченный иконостас, то в это время вышел из боковых дверей Царских Врат с просфорой на тарелке караульный и, пробираясь среди тесно забитой народом церкви, подошел к давно мной замеченной, стоящей посреди церкви, атаманской насеке — хуторскому атаману.

Невысокий, но довольно широкоплечий артиллерийский мундир, с горевшими на всю церковь на погонах золотыми буквами, переложив в левую руку насеку и, поцеловав просфору, принял ее от караульного...

О, Боже Праведный!.. Хорошо, что это случилось в церкви, а то бы я не выдержав, от восторга задушил бы в своих объятиях этот артиллерийский мундир с золотыми буквами на погонах...

Всмотревшись лучше в хуторского атамана, я в нем узнал моего родного хуторца, Филиппа Максимовича — поселкового атамана. Да, он, он, Филипп Максимович стоял посреди церкви с атаманской насекой!..

— Вот тебе и Филипп Максимович — поселковый атаман, — думал я, не отрывая глаз от серебряной насеки Коньковского хуторского атамана...

И так мне крепко захотелось, чтобы родной нам хутор Ковалев увидел бы своего „поселкового атамана“, стоящего сейчас в Высококоржественный день посреди церкви с символом власти поселка — атаманской насекой!..

— Послал, таки, Бог сироте счастье, — подумал я, опускаясь перед алтарем на колени...

Судьба, или прав был отец при наречении „парнишки?..“ Но внук вышел в деда полностью...

1-IV-1930. Клуж.

Петр Крюков. (Франция).

* * *

Я — человек с душой строптивой:
Не мира жажду, — лишь борьбы;
Далек от счастья жизни мирной.
Где шашка? Конь, мой друг, — где ты?..

В сраженьях видел я отраду:
Стук пулемета мил мне был,
Не уступал пути снаряду...
Я — как казак — войну любил!..

Уж шашки нет... И конь, убитый,
Лежит в Таврических степях.
Эх, друг мой верный! друг мой милый!
Не изменял ты мне в боях!

Я нищим стал, но все ж богатый,
Богатством тем горжуся я;
Не златом — серебром я знатен, —
Богатство это: честь моя.

Я — Дона сын. В степях привольных
Провел я младости лета.
Шум волн Донских, родных, свободных —
Волнует сердце мне всегда...

Теперь один я здесь остался.
Так тяжело сердцу! Грустно мне!..
Зачем врагу я не попался:
Теперь бы спал в Родной Земле...

В. М. Резников. (Болгария).

МОЛИТВА.

Источник мудрости и знания,
Начало света и добра!
Избавь меня от прозябанья,
Спаси меня от яда зла!
Мои высские дерзання
Исполни высшей чистоты,
Года тяжелые изгнанья
Наполни миром красоты!
И волю, твердую как камень,
Во мне ты, Боже, утверди,
А в сердце непрестанный пламень
Рукой всесильной рассвети!

Пускай горит и греет жарко,
Живым и радостным теплом;
Пускай блестит и светит ярко
Любовью, истиной, добром!
Пошли мне силу и призванье
Твои заветы возвещать;
Направь мой путь, мои исканья,
Пошли мне, Боже, благодать!
В душе, сомнением объятый,
Покой и веру укрепи, —
Степной цветок, грозой измятый,
Росой небесной окропи!

Гнат Макуха. (Югославія).

* * *

Вийшла хмара з-за Лиману,
Віє вітер з моря, —
Задають Кубань-неню
І лихо, і горе.
Граблять її, сердешную,
І чужі, і рідні..
Помирають її діти
На чужині, бідні..
Розрубали її тіло
Та й пороскидали,
А козацтво сіромашне
У труну поклали.
Стогне, бідна, у кайданах, —
Спокою не має,
Кличе дітей своїх рідних,
Кличе — промовляє:
— Ой, хто мене, діти мої,
Буде рятувати?
Ой, хто ж буде вас сердешних
До купи збирати?
Ой, збирайтесь, діти милі,
Хоть у чужім полі,
Та йдіть мене визволяйте
З тяжкої неволі!..
— Отак, бідна, вигукує —
Не хоче вмирати..
Боже, Боже!.. Неньо, неньо!..
Ой, хто ж рятувати
Піде тебе, нещасную,
Биту — недобиту,
Та кровію козакою
Як водою вміту?
Не ти дітям своїм стала
Ріднішою в світі —
Розбилися на купки всі
Твої рідні діти
Та гадають про московське,
А ти, неньо, — збоку..
Викопали проміж себе
Канаву глибоку
Та й гризуться за що й про що —
І самі не знають,
А про тебе, неньо мила,
Зовсім забувають..
Кричи ж, любя, та скликай ти
Діточок до себе —
Може ж вони біль твій вчують,
Згадають про тебе..

Згадають про тебе, в кайдани закуту,
Згадають хоч завтра, сьогодні ж — забуту.
Згадають — я вірю, — бо то ж козаки,
В яких, моя неньо, були ті батьки,
Що славу кували та волю кохали, —
Вони ж тую волю колись тим придбали
Отим, що розбилися тепер на купки..
Згадають, голубко!.. вони ж — козаки.
Обіймуться, бідні, як рідні діти,
Бо правда не згине! — куди її діти?..
Не буде, не буде козак кріпаком —
Родився він вільним і вмере козаком!..

В. Седов. (Франція).

К ДОНУ.

Здравствуй Тихий, Многоводный,
Славный из седых времен,
Гордый, чистый и свободный,
Наш родной красавец Дон!
Много встарь тебе певалось
Всяких песен и былин.
Что ж теперь пооставалось
От былых твоих седин?..
Что замолк? угрюм и мутен,
Не бурлишь былой волной?
Или стал тебе уж скучен
Путь, прославленный тобой?..
Не несется песни вольной
По широким берегам,
Не скользит уж челн проворный
По серебряным волнам.
На степи твоей привольной
Не видать уж прежних стад;
И, к луке склоняся, стройный
Там не носится казак..
Опустил пернач всесильный
Славный Платов Атаман,
И под буркою бессильный
Спит Бакланов генерал.
И стоит мрачнее тучи
Царь Сибирский — царь казак:
Вождь свободы, вождь могучий,
Славный именем Ермак..
Что с тобой случилось, родный!
Расскажи сынам скорей,
Как ты, сильный и свободный,
Стал и ноченьки темней?
Или воды помутились
От песчаных берегов,
Или шашки притупились
У бесстрашных казаков?
Или степи опустели?
Извелися скакуны?
Или к славе охладели
Прежде вольные сыны?..
— Я грущу о старой воле,
Дон печально отвечал,
О былом своем просторе,
По родным своим степям.
Я грущу об Атамане —
Первом лучшем казаке,
О Богаевском Баяне..
Спят они в сырой земле.
Вспомню я бывшее племя:
Ваших дедов и отцов..
Больно мне за наше время
И за наших казаков.
Где девалась рать былая
Со щетиной страшных пик?..
Лава гибкая, стальная?
Страх врагам — казачий гик?..
Тихо Дон всплеснул волною,
Тяжко, глухо простонал
И дорогою родною
Снова к морю побежал.

Большевики в Казачьих Землях.

I.

Царская Москва, убив независимость Казачества и разгромив казачье народоправство, сделала потом все, чтобы казаки забыли свое прошлое. И она почти полностью достигла этой цели: к своему стыду и несчастью, мы действительно не знали своей славной истории и именно в той ее части, которая в наибольшей степени была бы полезной нам для настоящего. Но главного, основного, духа наших предков она все же не смогла убить в нас. Его нам, хотя и в слишком общем и романтическом виде, сохранила наша народная песня и изустное народное предание. И этого, однако, оказалось достаточным, чтобы в 1917 году восстать из политического небытия и, хотя и не твердым и не совсем уверенным шагом, но пойти к воссозданию своей государственности.

Зато Россия, русский народ, совершенно не знал и не понимал Казачества.

Особенно же диким, таким, как у нас о жителях Тасмании или Огненной Земли, было представление о Казачестве у русских революционных партий, в том числе и у большевиков.

„Сам“ Ленин, касаясь вопроса о Казачестве почти мимоходом в одной из своих статей, установил о нем взгляд, обязательный для большевиков.

По этому представлению выходило, что Казачество — это какая-то средневековая привилегированная каста, странным образом и до сих пор еще проявляющая волю к какой-то своей, особой общественной жизни. Кроме того, по его мнению, казаки являются... мелкими помещиками, владея по 30 и более десятин земли на душу. Каждому предоставлялась возможность сделать вывод, что, таким образом, на каждую казачью семью приходилось в среднем от 120 до 200 десятин.

Большую часть своего времени казак отдает на разного рода средневековые развлечения и военные состязания, предоставляя обработку своей земли... крестьянам-иногородним, находящимся от него в полукрепостной зависимости.

Отсюда вывод: наряду со всеми частно-владельческими землями, казачьи земли подлежат конфискации и распределению между трудящимися, а сами казаки лишаются всех своих средневековых привилегий на общем для всех основании. (К тому же, в 1905 г. оно „показало себя стойким и сознательным защитником царского строя и таким же врагом демократии и революции!“).

С этой, так сказать, отправной точки зрения большевики и устанавливали свое отношение к Казачеству. Как к врагу революции, да еще так показавшему себя в 1905 г., — по отношению к нему дозволено все, что может его разложить, обессилить, обезвредить: обман, разлагающая агитация, разжигание антогонизма между ним и иногородним крестьянством и т. д.

И, — надо это признать, — во многом они достигли значительных результатов. Разложенное и обезволенное большевицкой агитацией, казачество дало им возможность без особых усилий захватить наши Края в конце 1917 г.

Однако, возгоревшаяся потом почти трехлетняя вооруженная борьба окончательно убедила большевиков, что с их системой политического и социально-экономического устройства государственного общегития, равно как и вообще с государств. зависимостью от Москвы казаки добровольно не примирятся ни при каких обстоятельствах и что в борьбе это — чрезвычайно опасный противник. Поэтому во второй свой приход в Казачьи Земли большевики стали проводить целый ряд заранее, повидимому, намеченных и продуманных мер, конечной целью которых было — „стереть казаков с лица земли“, как заявляли иногда даже официальные представители большевицкой власти, не говоря уже о распропагандированной пришлоей „бедноте“.

Таковыми заранее продуманными мерами были: организованный государством поголовный грабёж нашего населения, жесточайший массовый террор и, наконец, обезглавление населения путем уничтожения и высылки всех общественно-развитых и активных элементов, а также всех тех, кто мог бы когда руководить вооруженной борьбой.

Наученные, однако, опытом первого захвата казачьих территорий, большевики не сразу приступили к применению этих мер. Красная армия, двигавшаяся вслед за отступавшими казачьими и добровольческой армиями, почти совершенно не проявляла эксцессов и даже сдерживала иногда не в меру усердствовавшие пришлое элементы.

Население, ожидавшее прихода красных в самом подавленном состоянии, какое только можно представить себе, как будто оживилось, „перевело дух“. Но это продолжалось недолго.

Как только большевики дошли до Черного моря, картина резко изменилась. Органы ГПУ, до того устраивавшиеся, собиравшие сведения и кадры своих местных агентов, приступили „к активной работе“: начались многочисленные аресты и расстрелы, началась расправа с непокорным казачеством, не менее дикая и жестокая, чем при царе Петре I, но более планомерная, продуманная и... „широкая“.

Многочисленные карательные отряды, действовавшие еще более упрощенно, чем органы ГПУ, переходили из станицы в станицу и делали свое жестокое дело. В станицу отряд приходил обычно внезапно, ночью и немедленно производил аресты по заранее составленному списку. Недолгие допросы сводились главному образом к тому, чтобы установить „сообщников“, т. е. добиться оговора других, и... где спрятаны деньги. Казни производились, как правило, на

свалочных местах или в глинищах, где много готовых ям.

Какое трогательное единомыслие с Петром I и денкинцами. Последние ведь тоже на свалочном месте зарыли тело казненного А. И. Кулабухова...

После недельного пребывания такого отряда в станице, там оставалось потом 15-20-50 трупов и соответствующее количество плачущих семей.

Отряды переходили из станицы в станицу, всякий раз меняя направление на самое неожиданное. За распространение слухов о пребывании отряда в станице и его „деятельности“ полагался немедленный расстрел без суда. Но такое „шило“ даже и в большевицком мешке, разумеется, никак нельзя было утаить, и слухи о „каротрядах“ быстро разлетались по станицам.

Одновременно действовали и так называемые продовольственные отряды, в задачу которых входило взять у „казака-богатея“ все, в чем нуждалась голодавшая Москва. Рыская по станицам, как шакалы, эти продотряды забирали все: хлеб, семячку, свиней, овец, рогатый скот, кур и яйца, масло и сало, шерсть и кожу, табак и коноплю, и т. д., и т. д. Сотнями и тысячами подвод, выгребая до зерна казачьи закрома, везли хлеб к станциям железных дорог, забивали пакгаузы, а за недостатком помещений, сваливали просто в мешках в бутки под открытым небом. Немцы на Украине в 1918 г. были весьма гуманными людьми, по сравнению с большевиками в Казачьих Землях.

За недостатком подвижного ж.-д. состава хлеб месяцами ждал своей отправки. Не хватало брезентов для покрытия, и десятки и сотни тысяч пудов хлеба гнили, поливаемые дождями.

Отбираемый скот, даже тельные коровы, овцы и свиньи за сотни верст направлялись „гужом“ на заготовительные пункты, — например, из Баталпашинска на ст. Кавказскую (180 в.). Скот начинал голодать уже с того момента, как его забирали от хозяина. Не было разумеется, заготовлено корма и по путям следования. Понятно поэтому, что из тысячных стад и отар, до заготовительных пунктов доходили только немногие сотни, а остальное гибло от усталости, голода и даже жажды. Прикрываясь „естественною“ убылью, продотрядчики не мало разворовывали и распродавали „казенного“ скота.

Это называлось военным коммунизмом.

И осенью 1920 г. повсеместно, — и на Дону, и на Кубани, и на Тереке, — одно за другим стали вспыхивать восстания. Это были восстания отчаяния. Сами восстававшие плохо верили в конечный успех своего дела. Но и жить при таких условиях, в таком кошмаре не было возможности. „Уж если погибать, — так с оружием в руках, в бою с врагами, а не на гноях со связанными руками!“ И сколько легендарной отваги, мужества и презрения к смерти было проявлено казаком, знает только наша родная, кровью политая земля.

Восстания вспыхивали и стихийно-быстро

развивались, но, разрозненные и не объединенные общим руководящим центром, они также быстро и затухали, изолируемые и подавляемые большевицкими войсками.

Трудно даже и представить себе, что делалось после восстания в станицах, им охваченных. Но особенно свирепствовали большевики во время Врангелевского десанта на Кубань. В одном только Екатеринодаре и по получении только первых сведений о десанте, в три ночи было расстреляно и порублено свыше 1800 человек, — все, что было тогда под арестом в ГПУ или в „особых отделах“ войсковых частей, стоявших в городе. Комсомольцы взводами ходили в городскую тюрьму „на рубку казаков“.

Осколки подавленных восстаний, группы в 50—25, а чаще в 10—15 человек, скрывались в степи, в плавни, в горы и оттуда делали потом налеты на коммуны, разместившиеся преимущественно по экономиям, на продотрядчиков, на советские учреждения в мелких населенных пунктах, захватывая продовольствие, оружие и патроны и избивая коммунистов. Началась партизанская война населения со своими завоевателями.

На языке большевиков эти мелкие партизанские отряды получили название банд, а самое явление — политбандитизма.

Путем террора населения, так или иначе, вольно или невольно соприкасавшегося с „бандитами“, с одной стороны, а с другой — путем переговоров и „амнистий“, большевикам удалось в конце концов к 1923 г. замануть повстанцев в станицы и таким образом их ликвидировать. Примерно через год после этого, когда „амнистированные“ и сдавшиеся почувствовали себя уже в безопасности, в апреле 1924 г., почти все они внезапно и одновременно были перееарестованы и в течение одного — двух месяцев перестреляны или высланы в Соловки.

Прекратившийся после этого террор снова было вспыхнул в связи с появлением в горах Кубани группы во главе с полковником Орловым и членом Рады Лаштабегой, прибывшей, кажется, из Константинополя через Черноморское побережье. Однако, она вскоре была выловлена ГПУ и после шумного „показательного“ процесса „69“ в Армавире, расстреляна. Тем не менее горные станицы района Псебайская — Отважная — Преградная еще раз подверглись ужасам первого периода прихода большевиков, хотя и не в такой степени.

Введение и развитие НЕПа сыграло, пожалуй, более решительную роль в успокоении населения и налаживании более или менее сносной жизни, чем все мероприятия принудительного и террористического характера, вместе взятые. Но и НЕП не помог большевикам привлечь Казачество на свою сторону, заставить его принять господство Московской советской власти.

Принимавшиеся и раньше усилия привлечь из рядов казачества хотя бы некоторые кадры в состав партии, комсомола и активных работников в ККОВ (крестьянск. ком. общ. взаим.)

вдвойне были увеличены с наступлением успокоения.

Но казачество не шло к большевикам. Оно инстинктивно чувствовало, что его же руками собираются завоеватели ковать его порабощение. Характерная деталь: бывали случаи, когда из партии уходили те из казаков, которые боролись на их стороне с 1917 г., после того, как увидели, что дали большевикам казак. И самое большое, чего достигли большевики в этом отношении, это 2—3—4 человека казаков в партии на 8—10 тысяч казачьего населения в станице. В комсомоле, который открывает пути во все учебные заведения, молодежи несколько больше: иногда даже человек до 10 в станице, при чем это — дети главным образом служилой интеллигенции.

1925 год был годом наибольшего ослабления гнета и опеки („руководства“ — на большевицком жаргоне) над населением Казаккии. В этом году выборы даже в советы, правда, только в станичные и хуторские, были произведены при таком „послаблении“, что население во многих случаях могло выбрать тех именно, кого оно хотело. И результаты, выявившие действительное отношение нашего населения к представителям советской власти, оказались настолько ясными и убедительными, что почти в половине станиц выборы были опротестованы „сверху“ и произведены вновь с применением старых способов „агитации“, ведения выборного собрания и голосования („Кто против?.. Нет... Избран единогласно!“). В следующем году к „свободным“ выборам большевики уже не рискнули прибегнуть ни в одной станице, и все пошло по старому.

Выборы в 1925 г. показали и московским оккупантам, что их политика „рассказачивания казачества“ потерпела полную неудачу, что казачество и при полном, безраздельном их владычестве, проявило такую волю к жизни, такую жизнеспособность, что с этим надо считаться, как с существующим фактом и так или иначе приспособиться к нему. Но пойти по этому пути до его естественного конца, до официального признания казачества, как народа, большевики не захотели. Да и вряд ли они могли пойти на это, не отказавшись от самих себя, ибо это значило — отказаться от бесконтрольного, ничем не ограниченного права распоряжения богатыми экономическими ресурсами огромной „окраины“. И они снова пошли на обман.

В конце лета 1925 г. они решили создать

в Ростове с'езд для решения казачьего вопроса на „Северном Кавказе“.

Слух об этом, разнесшийся по станицам с необычайной быстротой, взволновал Казачество. Многим казалось, что это будет крутой перелом в политике советской власти по отношению к Казачеству. Казалось, что Москва пойдет на образование казачьей республики, по советскому образцу, конечно. Во многих станицах сами собою возникли кружки казаков, пытавшихся наметить наиболее удовлетворительное решение казачьего вопроса в советских условиях. Замечательно при этом то обстоятельство, что в разных местах, не находящихся между собою ни в какой связи, — и на Дону, и на Кубани, приходили в общем к одним и тем же решениям: Северо-Кавказский Край должен быть превращен в Казачью Республику, и в виду того, что в среде казачества почти совсем нет рабочих, должна быть образована особая хлеборобная партия, которая и должна руководить всей общественно-политической жизнью Республики; для данного же момента считалось необходимым в ближайшее же время созвать с'езд свободном избранных представителей Казачества.

Большевики поступили, однако, гораздо проще. С'езд был создан из секретарей районных парткомов, председателей РИКов (обе категории на 99,9% из ново-пришлых) и казаков, которые „на деле доказали свою искреннюю приверженность советской власти“ и которые должны были изображать заранее за все благодарное казачество.

Микоян, — тогда секретарь Северо-Кавказского крайкома, — „в обстоятельном докладе“ чуть не с математической точностью доказал, что глупо преследовать казаков за то, что они любят свои обычаи, свои песни, свой костюм, что допускавшиеся до сих пор „в некоторых местах отдельными товарищами перегибы есть недопустимое, а в настоящих условиях — прямо преступное головотяпство“.

В таком же духе были приняты и решения „с'езда“: казакам разрешалось петь свои песни, носить костюм, территориальным частям присваивалась казачья форма с... собственным казачьим холодным оружием и седлом и служба на своем же коне.

Словом, большевики попытались так же, как и цари, утешить казаков побрякушками, возложив на них тяготы военного снаряжения, и усыпить их внимание и бдительность относительно главного. Однако обман был очевиден, и Казачество на него не пошло.

Противники казачьей самостоятельности зовут казаков освобождать Россию и становиться в первые ряды ее восстановителей.

Мы те ряды предоставим русским людям.

Мы зовем Казачество в те ряды, в которые никто, кроме казаков, не станет: мы зовем казаков освобождать свои Земли и становиться в первые ряды восстановителей Казаккии.

Кзаков всех Казачьих Войск поздравляем со Всеказачьим Праздником Покрова Пресвятыя Богородицы.

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

Из изложенного видна одна тенденция русского правительства. Когда в казаках чувствуется или предвидится надобность, оно их хвалит и поощряет всякими „поблажками“ и наградами; когда же потребность в них минет, оно не считается ни с чем, третирует их не только как не нужных, но даже как вредный элемент в государстве.

Время о котором идет речь, было временем не только „великих дел“, но и временем величайших гадостей и, так как, по моему, в человеке более преобладает склонность ко злу, чем к добру, то и в данную эпоху творилось, пожалуй, более гадостей, чем великих дел, при чем и гадости эти по своим размерам превосходили гадости обыкновенного времени.

Издавна на Руси утвердился взгляд на Казачество, как на „воров и разбойников“ и, несмотря на все заслуги Казачества перед Россией, он остался непоколебимым до последнего времени. Соответственно этому сложилось и отношение к нему. „Добрая слава лежит, а худая бежит“, говорит русская пословица. И правительство, а за ним и русская общественность, относились свысока к Казачеству, останавливая свое внимание на отрицательных фактах более, чем на положительных. Помнят „грабежи“ и „разбои“ казаков далекого прошлого, которые совершались иногда по необходимости, но забывали о том, что эти же казаки, как говорит часто сама же русская история, служили „живой изгородью“, против всяких посягательств на Россию иноплемеников и дали возможность сложиться ей в большое государство. Помнят о „грабеже и разорении“ казаками мирного населения в Смутное время, которому не чужда была и армия Пожарского (ибо не манной небесной и перепелками довольствовалась она на пути к Москве, так как собранного Мининым не надолго хватило), а забыли, что, благодаря тем же казакам было „перезито“ и само Смутное время. Помнят „бунты“ Разина, Булавина, Пугачева, а забыли, что такой же „бунтарь“ Ермак подарил Москве целую Сибирь. Все такие факты, которые, казалось бы, должны были заставить иногда и забыть „временные неприятности“, взглянуть более благосклонно на тех, кто в равной, если не большей, степени принимал участие в строительстве Р. государства. Но в том то и дело, что не в этой забывчивости заключается причина недоброжелательства к казакам. Казаки являются носителями и хранителями иной идеологии, казаки донесли до настоящего идею о свободе, равенстве всех; не о том абсолютном равенстве, о котором мечтают социалисты, но о равенстве перед законом за лихие и добрые поступки; казаки не терпят сословий, казаки служат живым примером того, что все эти „мечты“ осуществимы и достижимы. Вот что опасно было бы для правящего класса. И это заставляло держать казаков в „черном теле“, принижая их даже перед остальной армией.

С первых же шагов Черноморцам пришлось испытать высокомерное отношение к себе. По прибытии Головатого в Петербург хлопотать о наделении Черноморцев землей на „Таманском полуострове с окрестностями“, ими интересовались как каким-то неведомым диким народом; всем любопытно было видеть их и особенно присутствовать на аудиенции у императрицы, когда будут приняты эти „чудища“. Это не могло укрыться от умного Головатого, который понимал все происходящее и то пренебрежительно снисходительное отношение, которое заметно было у царицы. Чтобы отплатить за это, Головатый, приняв грамоту от Екатерины, обратился к ней с короткой благодарственной речью, которую закончил словами:

„Будь здорова, як корова,
Щедровата, як земля,
Плодовита, як свиня“.

Правда это, или нет — не знаю. И если правда, то нельзя не удивляться находчивости Головатого, наделившего такими почтенными эпитетами ту, которая в „благодарность“ за все услуги Запорожцев во время недавней войны, „заплатила“ им разорением их гнезда. Конечно, это приписано было незнанию этикета и невоспитанности, но если это даже и анекдот, сочиненный казачеством, то он указывает на то, что оно видело Екатерину далеко не в том ореоле, в каком она казалась окружающим ее.

Такой факт, как разорение Сечи, не мог хорошо отозваться у Запорожцев. Много их ушло в Турцию, но и на оставшихся это произвело потрясающее впечатление. Сидор Билый, возвращавшийся из Петербурга вместе с Головатым, куда они ездили по делам Запорожья, дорогою, узнав о разрушении Сечи, хотел застрелиться, но от этого удержал его Головатый. В его голове, вероятно, тогда уже народился план, как-нибудь, поправить дело и спасти от рабства оставшихся товарищей.

Настойчивый в преследовании раз народившейся мысли, он употребил все свои силы для восстановления казачества, действуя где лестью, а где подкупом и взятками...

Многие из его поступков остались не понятными потомкам, ставившими ему в вину его моральную „гибкость“, забывая цель, преследуемую Головатым, тогдашние порядки и вообще моральный уровень того времени.

Не забывал этого Головатый и при всяком случае старался использовать все для достижения своей заветной цели. Так, явившись к Потемкину с докладом о подробностях взятия Березани и увидя на нем белый крест ордена св. Георгия, он зашел: „Кресту твоему поклоняемся владыка“, и поцеловал этот крест.

Потемкин снял его с себя и пристегнул его к одежде Головатого, обнимая и лобызая его, хваля Запорожцев и уверяя, что он тоже запорожец и никогда не забудет этого, обещая во всем помочь своему товарищу. Выслушав это Головатый прибавил: „И святое воскресение твое славим“, намекая этим на возвращение Потемкиным своих симпатий, о которых он так недавно позабыл и допустил уничтожение Сечи.

На этот раз, действительно, Потемкин помог им во многом и, главное, в наделе землю.

Мы имеем иногда скверную привычку выискивать темные стороны наших прошлых деятелей и, не обращая внимания на ту обстановку, среди которой им приходилось действовать, пятнать их, забывая при этом, что это были все таки люди, а значит и не чуждые ошибок. Так и с Головатым. Ставят ему в вину, что он делал, да не доделал. Бывшее Запорожье восстановил, да не постарался восстановить бывшее в нем народоправство; — о Раде он позабыл и ни где ни при каких случаях не вспоминал о ней. В будущем мне придется еще говорить о деятельности Головатого, но в настоящем периоде его деятельности подобное домогательство с его стороны было бы явно делом безнадлежащим. Несмотря на все блестящие подвиги во время войны, у Запорожцев мало было доброжелателей и еще меньше „покровителей“ в далеком Петербурге.

Алчность на запорожские замли и жажда получения их затуманивала глаза сильных Петербургского мира до такой степени, что они забывали о заслугах Запорожцев. Жажда эта была настолько велика, что и сам всемогущий Потемкин не решился противодействовать

ей. Даже в военной среде не особенно много оказалось сторонников Запорожцев, после заключения мира. Правда, покровительствовали им Потемкин, Суворов, но не любило новое „восходящее светило“ — Кутузов. При этом не малое число среди них сами облизывались на запорожскую земельную сокровищницу. Только этим соображением и можно объяснить поспешность крайней меры по отношению к Сечи, так как в Запорожцах, еще чувствовалась нужда, что и подтвердилось впоследствии.

При таких обстоятельствах трудно было поднимать вопрос о Раде? Рада... народоправство... да ведь это и было то „неистовое правительство“, которое упоминается в царском указе, как основная причина уничтожения Сечи. Это значило бы начинать борьбу с непреодолимой силой и похоронить окончательно последний отпрыск некогда славного украинского Казачества, начать борьбу, не находя поддержки даже в тех интересах, казалось бы совпадали с интересами сохранения Запорожья.

Ставить в вину Головатому то, что, работая для Войска, он не забывал и себя, тоже нужно с осмотрительностью. Быть может честолюбие было присуще и ему, как и всякому общественному деятелю, может быть, в некоторых случаях он и предпочитал личный интерес общественному, но не нужно забывать, что в то время громадное значение и успех имел тот, кто был силен, кто имел значение в сферах, где ему приходилось работать. Головатый это сознавал прекрасно, и поэтому не пренебрегал средствами для приобретения своего собственного значения, что, конечно, не всякий понимал. Но важно то, что, во всех случаях, на всяком месте, он никогда не забывал интересы Войска и жертвовал ими только в крайних и необходимых случаях, чтобы в будущем вернее достичь, может быть большего.

Несомненно, что и в этот ранний период его деятельности, находились недовольные его поведением, обманувшиеся в своих ожиданиях в получении всех тех вольностей, которые потеряны были с уничтожением Сечи, но это указывает только на их непонимание истинного положения дел, на непонимание шагов, принимаемых Головатым, объяснять которые было тогда не в интересах дела, тем более, что он не искал популярности, а занят был тем, чтобы закрепить уже достигнутое им. Многим этого казалось мало, но тем не менее Головатый все же так пользовался большим влиянием. Его уважали все и даже побаивались. Он пользовался большим авторитетом как сверху, так и снизу. Все ответственные поручения, требующие ума, энергии, а иногда и изворотливости, возлагались на Головатого. Строго говоря, Головатый был истинным воссоздателем Запорожского Казачества. Ему принадлежала как инициатива этого дела, так и осуществление его. Забыть Головатого было бы большим грехом. Объем всего того, что он сделал неизмеримо превышает все вольные и невольные его грехи. Правда, Запорожцы при таком возрождении потеряли очень много, можно сказать, почти все, чем держалось и жило их Войско, но и то, чего они достигли теперь, превышало то, что было у других Казачьих Войск в то время, например на Дону, где выборы Войскового Атамана ушли уже в предания старины глубокой. Здесь они удержались и это окрыляло надежды на будущее. Эти надежды воодушевляли их на подвиги и в Турецкую войну, не уступающие подвигам старого Запорожья. Бездомные, оборванные, часто голодные, так как заботы об их продовольствии были последними заботами интенданства, которое приходилось вымалывать всеми правдами и неправдами, лишенные семей, брошенных на произвол судьбы, они одевались и служили на свой счет, должны были иметь трех лошадей каждый, которых негде было взять и нечем было кормить.

Первые Черноморцы совершали такие подвиги, которыми восхищался сам Суворов. Первые избранные Черноморцев вполне оправдали их доверие, не щадя ни жизни, ни труда, чтобы заслужить те милости свя-

Антон Головатый.

ше, о которых они мечтали и надеялись. Не думали они, что приближаются к такой же могиле, в какой уже похоронено было Запорожье. Разница заключалась только в том, что прежняя засыпана была лопатами сразу, а новая будет засыпана постепенно горстями земли, набрасываемыми с некоторыми промежутками времени; не думали, что если души запорожцев вырвали одним ударом сразу, то им предстоит постепенное удушение в течение длинного промежутка времени.

Вот о воспоминании этого, сравнительно недавнего времени постепенного удушения Казачества и будет теперь речь. Оно шло в трех направлениях: 1 — в военном отношении, 2 — в административном управлении и 3 — в бытовом.

Соответственно этому и очерк этот распадется на такие же отделы, при чем будет обращено внимание на такие мероприятия и реформы, которые оказывали влияние именно на „ценимые правительством“ качества в Казачестве Черноморского, а затем и Кубанского Войска.

(Продолжение следует).

Санжа Балыков.

О судьбе калмыцкой литературы.

С незапамятных времен, переходя из поколения в поколение живут в калмыцком народе разнообразнейшие, интересные, живые сказки, древние легенды, меткие народные пословицы и поговорки, загадки, героические баллады и прочие виды устной художественной литературы. При этом надо отметить одну особенность: эта калмыцкая устная литература чрезвычайно популярна и распространена в народе. Буквально до самых недавних пор не было мужчины, женщины, даже детей, не располагающих запасом излюбленных сказок, умеющих их с увлечением рассказывать. (Невольно вспоминается, как, будучи 5—6 летним мальчиком, часто отпрашивался я у матери на ночлег к моей старой тетке и, дословно запомнив очередную сказку, угощаю, бывало, на другой вечер круг слушателей, не без внутренней гордости принимая похвалы об „остроте“ моей памяти. Репертуар мой был так значителен, что и до сих пор остался в памяти добрый десяток сказок).

А про чрезвычайную излюбленность наших пословиц и говорить нечего; они были самой ходкой принадлежностью нашего разговорного языка. Говорить с применением пословиц считалось хорошим тоном, признаком воспитанности. А наши многочисленные загадки, которые почти до последнего десятилетия служили предметом состязания в длинные зимние вечера больших компаний, тоже были творением нашей народной мудрости, общественной мысли.

Особо стоят наши песни. Если их собрать и систематизировать, то по ним можно писать историю калмыцкого народа, можно проследить все этапы его жизни, его быт, веру, мирозерцание. Кроме того, что такое богатое устное творчество было, оно стройно разветвлялось на различные виды по характеру своего содержания. Сказки, например, есть героические (вроде Залу Зандэн. Хэртин Хара Күкэль), повествующие о войнах, о борьбе богатырей со злыми духами, об интересных приключениях добрых молодцев; среди них встречаются не только фантастические сказки — „тулэ“, (как например „О вещах несуразных, из земли невиданной), но и сказания, носящие явно исторический характер „туджа“, (вроде сказаний об Ойратских войнах); были сказки идиллические (Наран Арсланг Хан), рисующие семейную жизнь отдельных лиц и быт целых обществ; любовные, всевозможных оттенков (вроде Будән Мörген), рисующие трогательную братскую любовь; юмористические (вроде Долан Ходжгар и негэ Мөджгер); религиозные (как напр. Мөнкэн Чильден) и пр.

Но, особенный интерес представляет судьба наших песен. Если в сказках и легендах допустимы элементы подражания и восприятия их или их сюжетов от других народов (как напр. сказки „Сидти Кюрь), то наши песни были подлинным творчеством нашего народа. Песни мы имеем тоже двоякого рода: так называемые длинные, длинные не по содержанию, а по мотиву, так как поются они протяжным, спокойным голосом, с мягкими, едва заметными переливами, которые ускользают от чуждого слуха. Однако ни одна народная песня, думаю, не создает такого успокаивающего, лирического настроения у исполнителя и понимающего слушателя, как наша длинная песня. Кто хоть на минуту не взгрустнет, слушая прекрасные куплеты „Сәхн зерде“, так ярко передающие тоску молодого человека по рано умершей матери?..

Иной характер носят песни „короткие“, что также не характеризует содержание, а мотив; это — наши народные частушки, преимущественно юмористического, иривого содержания, распеваемые обыкновенно молодежью на улицах. Петь же их взрослым людям, а также в семейных домах, или в официальных случаях считается неудобным, тогда как первый род песен пользуется почетом и любовью народа.

Такое было состояние калмыцкой устной художественной литературы, наравне с духовно религиозной, еще сотни лет тому назад, когда народ наш был свободен, когда он сам творил свою общественную жизнь.

Таким образом, калмыцкий народ, принадлежа к

одному из культурных племен кочевого Востока, явившийся в Европу, как-бы, авангардом проникновения его на Запад, еще в самый ранний период своей жизни, имел свою яркую, богатую устную литературу, которая, при нормальном ходе развития его жизни, пройдя все обычные пути прогресса художественной литературы, и в данное время, в данных условиях жизни должна была бы быть выразительницей душевных переживаний народа, спутницей во всех этапах его судьбы, художественным памятником всех исторических перипетий его национальной жизни.

Казалось бы, что такое богатство, разнообразие и всеобщая популярность устной художественной литературы должны были бы дать мощные основы для пышного развития и расцвета всех стадий и форм литературы, письменной литературы в частности. Однако, этого не случилось. Наша устная литература, застыв на месте, не дала никаких новых всходов и с течением времени отстает от видоизменяющейся народной психологии, уже перестает удовлетворять его душевные запросы, не соответствует народной жизни, теряет свой интерес, суживается его распространенность и теперь едва ли кого можно заставить целый вечер выслушивать какую-нибудь сказку. Народ наш вырос из той стадии, когда он мог удовлетворяться сказками и балладами. Даже популярнейший „Джангар“, с своей блестящей формой и богатством содержания, выслушивается не с таким вниманием и благоговением, каким сопровождалось его рассказывание хотя бы 1½ десятка лет тому назад.

Правда, это — неизбежный закон в прогрессирующем человеческом обществе, в нормальных условиях проходящем этапы общественного развития. В ногу с ним идет и его художественная и иная литература, т. е. продукты духовного творчества, чего нельзя сказать в отношении нашего народа, а следовательно и его литературы. Взамен устаревшей устной формы литературы у нас не возникла новая, не оказалось письменной, печатной литературы, кроме вещей религиозного характера. У нас нет „современной“ литературы.

Причиной этого печального явления есть то обстоятельство, что с приходом калмыков в Россию и постепенным их подпадением под власть русского народа, который помимо полит. власти сковал и его нормальн. духовн. функции, общественная жизнь его пошла не по обычным путям развития. Она развивалась так, как растет закиданный булыжниками кустарник — криво, кося. В жизнь калмыцкого народа вторгся и стал культивироваться чужой язык, захвативший все отправления административной и культурной жизни, а свой родной язык остался только для домашнего употребления. Ясно, что он, потеряв общественно необходимый характер, потеряв главную часть поля своего применения, а потому и развития, стал хиреть, из богатого и красивого языка он быстро стал превращаться в упрощенный, засоренный русским и, как неизбежное последствие, не могла развиваться на этом языке и художественная литература.

Всем известно, что литература создается способными и специально свыше одаренными элементами национальной интеллигенции, но калмыцкая интеллигенция, как наиболее пораженная дурным влиянием чужой культуры, как раз с удовольствием стала говорить на русском языке, игнорируя свой. За ними потянулись всеские станичные грамотеи и таким образом все более или менее интеллигентные силы нашего народа не умеют говорить на своем чистом, беспримесном языке. Долго продолжалось такое позорное явление, пока встряска революции не заставила их сознать грозность такого положения и хоть немногим взяться за пропаганду возрождения своего языка, своего письма, а одним попытаться создать зачатки художественной литературы, пока опять таки на чужом языке.

Со времени подпадения калмыцкого народа под власть русского не создана ни одна сказка, не написано ни одно художественное творение. Только наиболее

устойчивая часть нашей устной лигературы — песня еще некоторое время продолжает развиваться и отражать события и переживания народа. Так например есть песни, которые говорят о местах пребывания калмыков: „Манца гидэк гол“, „Ховн голин хулсун“, „Гашун гидэк газар“, „Ике дельта кер“, „Керман гидэк балгси“ и др. Все эти песни носят еще характерную особенность нашей песни — лиричность, художественную иносказательность, мягкость и ласкавость мотивов, но сила содержания уже уступает старым песням, вроде „Алта дере гархине“ или „Нурин уснасуни дунгешек“, „Хавр волху тенгер“ и др.

Но скоро и эта отрасль нашего духовного творчества с окончательным и полным подпадением нас в неволю, с исчезновением всех признаков свободы, а главное с осознанием самим народом своей горькой доли и потерей надежды на освобождение, начинает падать и чахнуть. Со времени окончательного и явного нашего закабаления не создана ни одна хорошая захватывающая песня, кроме убогих частушек, вроде — „Чхатар чамаган Чапрагин больницяр домнуллав“ или „Икӓсчен ӓджӓхшув“.

Таким образом, наша литература, пышно взойдя в своей первой стадии, в период устного творчества, вследствие потери нами нашей национальной свободы, повлекшей за собой ограничение сфер языкового отправления, зачахла, отстала от души народа и обречена была на смерть в духоте и темноте нашей неволи, а следовательно должен был выродиться и рано или поздно исчезнуть и наш язык т. е. то, что составляет один из несомненных признаков национальной особенности и что является одним из сильных оружий борьбы нации за свою самобытность.

Так неуклонно и неумолимо шел и будет идти калмыцкий народ к полному исчезновению и окончательному растворению в массе господствующего народа, если только мы не добьемся такого политического положения, при котором все функции общественно-административной и культурной жизни нашего народа не будут отправляться на нашем родном языке, т. е. до тех пор, пока знание и изучение родного языка и письма на будут обусловлены практической необходимостью, иначе говоря, пока не добьемся хотя бы относительной национальной, политической свободы, ибо свобода нации есть необходимое условие для

развития его духовного творчества — литературы.

Не даром глубочайший ум нашей современности Т. Г. Масарик говорит, что только родной язык может быть для человека совершенным орудием мысли, живым выражением чувства и воли, благодарным материалом для поэтического творчества. Вот почему все известные чешские борцы за национальное освобождение в первую голову боролись за сохранение и развитие своего языка, за создание своей художественной литературы.

И не даром русское правительство, в своей руссификаторской политике прежде всего принимало меры к ограничению употребления родного языка народом предназначенным к ассимиляции. Даже в разгар напряженной внешней войны оно не забывало продолжать эту политику поглощения наций. Так например в 1915 году во всех калмыцких школах Сельского округа была введена новая система обучения грамоте калмыцких детей, так называемый „метод Тростникова“, по которому калмык преподаватель младшего класса не должен был, как раньше, переводить русский текст на калмыцкий, а на каждый урок существовали стенные таблицы-картины с изображением содержания прочитанного и учитель, после того как ученик прочитает предложение, должен был молча показать на соответствующую картину, объясняющую значение прочитанного. Само собой разумеется, что такое преподавание только могло способствовать скорейшему забвению учениками родного языка; они должны были с детства научиться мыслить на русском языке. При чем за применением этого метода строго следил инспектор народных училищ и отступление от него повлекло для пишущего эти строки угрозу увольнения „за применение устарелого метода“, несмотря на блестящие успехи его класса.

И калмыки наших дней, принужденные писать на русском языке, должны помнить, что их работа только материал для подлинного творчества на своем языке и что они всей силой своего сознания должны способствовать созданию таких политических условий, при которых они получат возможность практического применения нашего языка и письма, писать и печатать на нем свои творения, т. е. развивать и возродить свою литературу. Иного пути спасения своего языка, культуры, т. е. самого себя, история закабаленных народов не знает

С. Савельев.

Казачьи разговоры.

(Из Парижских писем).

Казачья в Париже находится в неблагоприятных условиях в смысле встречи друг с другом. Днем все заняты, в большинстве на фабриках. Иные счастливы имеют и легкую службу, но их так мало, что о них говорить не приходится. После постоянной и нудной работы, свободная минута выпадает у казаков только на время после 7 вечера и праздники. Конечно, в будние дни, в силу огромности Парижа, в различных частях и предместьях которого живут казаки, они не имеют возможности встречаться друг с другом и так часто, как они того хотели бы. Кроме того, несмотря на то, что в Париже живут тысячи казаков, несмотря на то, что здесь пребывает Донской атаман, Донское П-во, г. Мельников, „законный“ и „пожизненный“ глава „Каз. Союза“, так удачно объединяющего около „двухсот казачьих организаций“, — в Париже имеет место печальное явление — нет ни одного места, куда казак мог бы прийти в свободное время как в свой казачий уголок, где могли бы казаки свободно встречаться.

Поэтому в праздничные дни свою потребность видеть друг друга казаки удовлетворяют тем, что собираются под открытым небом на улице Daru (Дарю), возле православной церкви. Мне нужно было видиться с моими приятелями, переговорить по некоторым вопросам. Ничего лучшего нельзя было придумать, как идти на rue Daru, где можно встретить почти всех.

Я не знал, где находится эта церковь, думал придется искать. Но когда вышел из метро Courcelles, то сразу увидел, где она находится.

Выдался хороший день; как приятный сюрприз, нешел обычный в это время года в Париже дождь, ласково светило осеннее солнце и именно потому, вероятно, в это утро было особенно много народу у церкви. Множество автомобилей — таксисты казаки и русские. Улица полна народом. Стоят группами, о чем то все оживленно беседуют. Какие интересные типы можно здесь встретить! В самой церковной ограде преобладают усатые, бравые, с неуклюже сидящим костюмом

„Почитать казаков донских частью древней Руси — не должно. Только язык и вера сближали их с Россиею и, наконец, покорили России.“

Русский историк Н. Полевой.

(Сватиков — „Россия и Дон“, стр. 327).

люди, очевидно военные „верхи“; важно, с гордо поднятой головой, хорошо одетые господа, очевидно из б. русской знати. Много с иголочке одетых, гладко причесанных, проворных молодых людей, быстро переходящих от группы к группе. Очевидно — Жоржики.

Здесь, сразу ясно, преобладает правое настроение. У дверей продаются книги, фотографии царской семьи, Врангеля, Кутепова и т. д. Старуха выкрикивает: „Часовой“, „Часовой“. Газетчик тихо произносит: „Новости“ („последние“ не говорит) и громко выкрикивает: „Возрождение“!

Казаки больше на улице. Разбившись на группы, ведут оживленную беседу о своих делах, о делах казацких. Конечно, казаков из ограды никто не выгоняет, но как то так получилось, что казаки предпочитают держаться подальше от „господ“.

Встречаюсь с знакомым еще по Праге казакком донцом.

— Здравствуй, когда приехали? Что думаете делать? Как живут наши там, в Праге?

Начинающим расспросы об общих знакомых. Отвечаю, как могу.

Спрашиваю: как живете, как устроились?

— Хорошо. За четыре года изучил Париж. В первое время было немного трудно, языка не знал, теперь язык знаю, специальность имею. На счет самого себя не боюсь. Но вот дела казацкие — швах. Ничего казацкого в Париже нет. Дон. Ат. „хвостит“, противно; мы, простые казаки, не умеем организовываться, нет опытных людей. Начнешь чтонибудь, — непременно ктонибудь из „бывших“ наложит свою руку: то Мельников с Марковым по праву Председателя П-ва примажется, то г.г. генералы по праву „старших начальников“ пристегнутся и расстроят начатое дело... Беда нам, наимеющим генеральских чинов или стажа политических вождей. А этим последним верить нельзя... Ну как Вы там жили, чем занимались?

Рассказываю о целях и задачах В. К., о росте и развитии казачьего освободительного движения. Он знает об этом движении, читает „В. К.“, идея сочувствует, но... сомневается в возможности ее осуществления.

— Ах, как это было бы хорошо! Свалить большевиков, захватить самостоятельную, свободную жизнь, устраивать свою судьбу по своему казачьему разуму, никаким московских господ не спрашиваясь. Но, ведь ни один русский не согласится с казачьей свободой, навалятся „ваньки“, как это было в 1917-20 г.г. Им помогут „ваньки“ из казаков, начиная с того же Богаевского. Сумеют ли казаки добиться своего, найдутся ли у них сильные союзники?...

— Это зависит от самих казаков. Сумеют ли они объединиться, выступить единым фронтом, доказать миру свою волю жить самостоятельно, тогда сила казачья будет огромна, с нею не считаться не смогут и союзники сами придут...

— Эх, как трудно это сделать. Возьмите Париж. Казаки и рядовое офицерство в огромном большинстве самостоятели, но они бессильны вывить себя — нет людей опытных, знающих; нет времени (все работают), нет средств. А с другой стороны — Богаевские и Мельниковы все свое время уделяют „политике“, только ею и занимаются, обладают казной, а для втирания очков у них высокие титулы — Атамана, Председ. Прав и т. д. Нужно иметь ввиду, что есть еще казаки, особенно в провинции, где „деяния“ их мало известны, и потому верящие Атаману; есть и такие казаки, которые готовы поклоняться кому угодно, лишь бы он носил титул Атамана, независимо от того достойно ли он его носит. Имеются и такие, которые страстно желают „играть роль“. Но в силу того, что они неспособны ни на что, у них остается одно: льстить и всячески угождать Атаману, а последний этим пользуется и в своей „атаманской похвале“ не скудится. Получается выгода и тому и другим: Атаман имеет „общественную поддержку“, а другие — роль „мужей совета“. И все почивают на лаврах. Что им до нечеловеческих страданий наших братьев „там“, что им до того, что „истинно-русскими“ людьми истребляется Каз-во. Им это не страшно, ибо они „верят“, что им, с одними „истинно-русскими“ людьми против других „истинно-русских“ людей, кровью и

жизнею казаков, хотя бы ценою уничтожения их удастся восстановить „Великую Россию“. Ведь Богаевский уже теперь примирился со смертью казаков в эмиграции, когда он взывает к казакам: „Не падайте духом! Если не мы сами, то дети наши еще увидят воскресшую Россию“ [„Р. К.“, № 1(11)].

Эх, тяжелая участь Тебя выпала на долю родное Казачество! Все от Тебя требуют службы и все Тебя проклинаят; все Тебя „любят“ на параде и все желают Тебе смерти на деле; все „защищают“ Твои интересы и все готовы утопить Тебя в ложке воды. И в первом ряду этих „искренних“ — ген. Богаевский, некогда, по недоразумению, облеченный высоким доверием Дон. Казачества.

Куда пойти, кому сказать? Где у кого ты найдешь достойную защиту своих подлинных интересов и прав, родимое Казачество? Неужели удел Твой — служить трамплином разных Богаевских и Мельниковых и, подпирая их, умереть?

Здоровый, сильный казак, произносил свою тираду, сильно волнуется, губы его дрожат, в глазах блеск и... он застенчиво отворачивается. Подходят другие казаки, образовалась уже группа. Все с большим вниманием и сочувствием слушают казака. На нас обращают внимание. Ближе подходит один подозрительный тип, не казак, что то усиленно и с большим вниманием стал возиться с веткой дерева, свисшей на улицу из за церковной ограды.

— Шпик, — шепчут мне на ухо. Их здесь много, есть среди них и казаки.

Говорю нарочно громко:

— Чего, станичник, так волнуетесь? Удел Каз-ва — не служение трамплином для Богаевских, а жить достойной его, Казачества, свободной, самостоятельной жизнью. Судьба Каз-ва в его собственных руках. От вас же самих зависит — будет ли оно продолжаться и дальше тянуть скрипучую и многоликую повозку Богаевского или оно, наконец, обретет свое собственное лицо, построит свой собственный корабль свободы с достойным кормчим, который не будет жизненные интересы Каз-ва подчинять интересам меняющихся „вождей“ воображаемой „Великой России“.

Подозрительный тип с еще большим вниманием лубуется веткой.

— Это мы понимаем, но как достигнуть этого, когда в руках Богаевского „все козыри“: единодушная поддержка всей (некоторые хотя и проклиная его в душе) русской эмиграции, прессы, титул Дон. Атамана и распоряжение донскими средствами, — вмешивается второй казак.

— Конечно, к нашему несчастью, он — Атаман, в смутное время всплывший и вот уже 11 лет „храбро“ и „бесменно“ державшийся на водной поверхности. Другие, более достойные, — одни пали смертью храбрых, другие, в силу своей решительности, прямолинейности, неумению подлаживаться, вынуждены были уйти, т. сказать потонули в волнах разбушевавшихся человеческих страстей. А что на поверхность воды всплывает, — известно вам... — вмешивается третий.

— Как бы вы не смеялись над ним, но у Богаев., сильное оружие — Атаманский титул. Он хорошо знает его цену и зубами и ногтями уцепился за него. Не расстанется с ним. Если даже вся казачья эмиграция соберется и скажет ему — довольно, то он все таки всех нас пошлет к чорту. Он, ведь, постоянно утверждает, что „я избран на Дону и на Дону сложу свои полномочия“. На мнение эмиграции ему наплевать, в этом вопросе для него не существует никаких моралей... А раз он сохранил официальное „звание“, то он, по праву Атамана, будет накладывать свою лапу на всякие наши начинания, — с сожалением замечает первый.

Подходит казак в костюме шофера.

— Разрешите представится, — Войсковой Старшина N.

— Очень приятно, — называю свою фамилию.

— Я — двоюродный брат полковн. М. Ф. Фролова. Скажите мне, пожалуйста, о судьбе моего брата — как он болел, где умер, где похоронен.

Рассказываю, что знаю.

— Какой выдающийся казак умер в лице моего

брата! Какая потеря для Каз-ва! Я это говорю не потому, что он — мой брат, а совершенно беспристрастно.

Я вполне соглашаюсь с ним в оценке способностей и таланта покойного.

— Значит Вы разделяли и политическую линию своего покойного брата?

— Нет, я не разделял, я не верю в возможность самостоятельного существования Казачества. Но я верю в искренность побуждения самостийников и решительно не разделяю тех, кто всячески старается поносить или чернить самостийников. Мы все казаки и все мы по своему понимаем интересы Казачества и в соответствии со своим пониманием защищаем их. Не следует друг друга отвергать, надо споры и разногласия свои разрешать в своей среде. Ведь ни для кого не секрет, что если цели В. К. осуществятся, то в тот же день все казаки станут вольными казаками. А раз так, то можно ли их, вольн. каз., называть предателями, преступниками? И наоборот, если установится, например, действительная Фед. Россия с широкой казачьей автономией, то многие вольн. казаки, вероятно, удовлетворятся этим строем, хотя многие вожди В. К. и на столбе наверно повиснут...

— Это верно, виселица многим вольным казакам обеспечена, если будет кому вешать!

— Зайдемте в кафе, поболтаем о казачьих делах?

— При всем своем желании не могу, к сожалению. Должен идти.

— Жаль. Ну, какнибудь встретимся после. Вот мой адрес.

Идем по rue Daru с знакомым донцом мимо гуськом стоящих автомобилей. Два с иголочки одетых молодых человека усаживают в машину элегантную даму.

— Жоржики, — бросает мой спутник.

— Вы их, очевидно, не уважаете?

— Признаюсь, да.

— Почему? Какой мотив — социальный или самостийный?

— Нет, что вы, Бог с вами. Я не такой самостийник и не имею никакой социальной причины. Я не люблю их за их надменность, нахальство.

— Например?

— Например, они сейчас на нас и не посмотрят, а завтра утром придет и будет клянчить у вас пятак.

— Ну, это же не грех, — и казак может просить пятак.

— Верно, но казак даст обратно, а эти, когда придешь к ним за своим пятакон, знаете, что делают? Возмущаются и вас же нахнут упрекать: не стыдно ли тебе искать пятак! Вот за эту их „логику“ я их не выношу...

Думы и мысли.

Павел Кудинов. (Болгария).

Памяти казака.

Вахмистру Еланской станицы, расстрелянному „белыми“ за то, что он уличил в шпионаже своего командира бригады, перебежавшего от красных и работавшего в пользу последних...

Ты жертвою пал не в борьбе роковой,
Сражаясь с красной мужичьей ордой
За землю казачью, за степь, Тихий Дон,
За Круг всенародный, за Круг Войсковой.
Ты схвачен обманом и в „штаб“ приведен,
Судом палачей ты на смерть осужден.
Ты жертвою пал в стане белой чеки,
Схоронен без почестей в голой степи, —
Без плача надгробного ратных друзей,
Вдали от родимой семьи и детей.
Зарытое тело в холодной земле
Твое не найдут никогда и нигде:
Ни брат, ни отец, ни жена, ни друзья,
Не сироты дети, ни чуткость коня,
А место кровавых потех над тобой
Покроется тенью травы шелковой.
И труп твой истлеет, как тлеют тела,
Но жить будет вечно казачья душа.
А в память героя тебе, молодец,
Сплетут твои дети из скорби венец,
Из трав шелковистых, ковыли седой,
Пахучей полыни, облитой слезой.
Проклятие деспотам, бывшим рабам,
Шпионам и белого стана вождям, —
Вождям всенародных страданий и мук
Не смыгь им невинной крови с своих рук...
Проснись же, проснитесь от долгого сна
Казачья совесть, казачьи сердца.
Нам спутником будет в борьбе роковой
Олень быстроногий пронзенный стрелой.
Под знаменем вольным дедов и отцов

Мы сбросим неволю и цепь раскуем...

Герою, усопшему брату, венец

Сплетем мы из чистых казачьих сердец.

За что?

Вот десять лет уже минуло, как я в изгнании живу. Десяток лет умчалось в вечность, — возврата нет им никогда!.. Десяток лет... Легко подумать! — легко их только написать... Но, сколько горя, сколько муки, — пером нет сил все описать.

Десяток лет цветущей силы ушло под тяжестью невзгод... Десяток лет душа терзалась в невзгодах жизни казака. И десять лет вопрос причины сверлил он ум у казака. Десяток лет пред ним кошмара, а слово то же — все: за что? За что погибла юность молодая? За что разбита жизнь моя? За что страдает казачина?..

Но вот теперь ответ получен, казак уж знает все — за что? — 1. За то, что предков позабыли, заветов их не храня. 2. За то, что вольность свою продали, поверив красным москалям. 3. За то, что сами же свои, забыв заветы старины, присяге данной изменили, играя на две стороны. 4. За то, что был ль свою не знаем и не хотим ее узнать. 5. За то, что гордости сознания мы не имеем, казаки. 6. За то, что истории не изучаем, как жили встарь наши деды. 7. За то, что многие без сознания за Неделимую идут. 8. За то, что некоторые боятся, что без Неделимой пропадут. 9. За то, что многие ленивы умом, не хотят поразмышлять, что их тысячами гнали за чуждое им дело умирать. 10. За то, что и ныне еще не прозрели, живя в чужой стороне, и что пора уже настала казакам свой ум в руки взять и смелее и дружнее одной казачьей семьей из под гнета и кошмара „Богоносов“ своих братьев вызволять.

И вот теперь десять уроков житейских все мы приобрели. И чтоб ошибок не творили, нам казакам пора созреть и свой журнал Казачий Вольный должны мы все его иметь. Лишь только он лучем могучим наш путь возврата до Краины — он нам его и осветит.

А. Д. Аникушин. (Сев. Америка).

„Донское Войско в первой половине XVII века имело все признаки, которые... почитаются необходимыми для государства: свою производную власть, территорию, население, право международных сношений“.

С. Т х о р ж е в с к и й, сборник „Русское Прошлое“, в. III, Петроград, 1923 г.

(Сватиков — „Россия и Дон“, стр. V).

Десять років.

1920 рік... Майже в цю ж пору, коли вже й на півдні починає жовтіти листя, в тику і зоряну ніч сидів я на березі Керченської протоки. Пожовкле листя тихо падало на землю, а те, що ще держалося на дереві, здавалось що сумувало, що скоро прийде і його черга... Я зорив вночі темряву, туди — на другий бік, туди, де — я знав — лежить Тамань. Там — мій рідний Край. Неначе й недалеко, але ж доступу туди мені нема. Дихнуло з моря вохкістю. Утро йде. Дочекаюся і ще раз побачу свою Кубань...

Тяжко було покидати те місто, де я міг хоч мріяти про Неї; де міг хоч здалека подивитися і послати їй моє вітання... Рушив з місця, але очі все тяглися туди...

То було в двадцятім році, у вересні. А зараз той же вересень, лише рік тридцятий. І не на березі у Керчі сидю я, а на березі невеликої річки Стирі...

Десять років. Так давно і — так недавно це було... Послухали чужих... В „червоне“ одягли Ї, а ми — ми розлізлися по цілм світі: од Парижа аж до Апурімакських лісів — лунає козача пісня, чи то весела, чи то сумна; мабуть, більш сумна... А проводирі? — дбають лише про себе, „тітулами“ живуть... та хай їм... Зараз думка на Кубань летить — що робиться там? Чи побачу я Тебе коли таку, яку бачив колись, — як маківку в квітах?..

Сьогодні десять років, як я Ї бачив. Довгий і колочий шлях пройшов я. Але знаю — і Ї не легко. Бачу Ї росп'яту на Хресті, босу, простоволосу, голодну і холодну, в рядняних латках, з потухлими очима... Мандрує по дорозі до Сібіру... Хліба просить...

Ще дужче кров у серці закипіла. Ї кохаю до самозабуття... Хоч Ти й жербачка зараз з торбою за плечима, але ж — моя найкраща в світі. Єдина моя...

Ніби прокинувся я від сна і — знову на чужині. Не знаю, чи побачу Ї коли, але знаю, і знаю добре, що тільки є і буде сама собі не ворог. Лише сама собі викує кращу долю.

Мені здається, що і нам уже пора до купи збиратися, гуртом шукати долю — для себе і для нащадків наших. До купи ж, під один прапор!

Ф. Штовхань.

О различных мерках „россиян“ и о казачьих неудачах казачества.

(По газетам и журналам).

„Дни“ (№ 103) пустили против „Независимого Кавказа“ состоящего при них знатока Кавказской проблемы г-на А. Хандакаряна, который на протяжении трех страниц, как дважды два — четыре с половиной, доказал вредность и невозможность существования Кавказской конфедерации, потому что там народы все такие злые и страшные, что как только перестанет Россия заботиться о них, все они перередутся, перережут друг другу горло из за „вопроса о разделе того общекраевого добра, которое было накоплено трудами всего Российского государства“ и каковое находится в Тифлисе. Он с заметным удовлетворением говорит, что так было в прошлом и с еще большим удовлетворением спрашивает, кто может поверить, „что впредь это не повторится?“ Сам же отвечает: „Я в это не верю. И не верю потому, что с тех пор ничто не изменилось — ни психология людей, ни характер вопросов“. Как будто эти ужасных десять лет ничему людей не научили. Он утверждает, что „самый факт отделения Кавказа от России влечет целый ряд непреодолимых внутренних конфликтов“, а потому „создание Независимой Кавказской Конфедерации, как задачи сегодняшнего дня осуждены на полную неудачу“. А потому народы Кавказа обретут счастье и благополучие под счастливой звездой Московских большевиков, ибо Россия „сегодняшнего дня“ есть СССР, а кто против этого — люди, продавшиеся Ангоре или Варшаве. Одним словом сепаратизм — зло, с которым необходимо всеми силами бороться.

Но вот, в следующем номере (104) тех же „Дней“,

тот же А. Хандакарян поет совсем иное дело, гром и молнию сыпет на голову Кавказских самостоятельных за то, что они не защищают сепаратическое движение за независимость Курдистана. Он категорически утверждает, что к „Курдскому движению и к стремлению курдов к независимости не может быть иного, кроме положительного, отношения со стороны всякого демократа и подлинного защитника права народов на самоопределение“. Золотые слова! Мы сочувствуем курдам, борющимся за право жить под солнцем свободно и независимо и желаем им успеха. Но вот нас поражает, почему „демократ и подлинный защитник права народов на самоопределение“ г-н Хандакарян и его политический патрон „Дни“ являются подлинными защитниками права народов на самоопределение в пределах Турции, и почему, перейдя границу СССР, они немедленно превращаются в подлинных противников этого права? Почему такая различная мерка? Хандакарян идет дальше, он требует защищать курдов, даже не спрашивая — кто и что они. „Всякие рассуждения о том, созрели ли курды к этому и есть ли на лицо необходимые для образования самостоятельного государства данные, здесь не к месту, ибо выбора у них нет“.

Не будем спрашивать, у кого больше выбора — у курдов ли под гнетом Турции Кемаля или у народов под властью Красной Москвы? Нам кажется, что хуже последней быть не может. Спор напрасный. Новый вопрос — Хандакарян и печатающие его „Дни“ считают нравственной обязанностью всякого демократа защищать права народов на самоопределение и в этом качестве защищают курдов. Спрашивается, почему же они так рьяно встают против такого же национально-освободительного движения Украины, Казачества, Горцев, Грузии, Армении и т. д.? Или, по их мнению, все они не могут иметь такого права, каким Хандакаряны и „Дни“ так щедро наделяют курдов? Или принцип этих демократов обладает свойством: „закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло“?

Советско-коммунистическая власть задалась целью уничтожить Казачество. Для этого она подвергает казаков нечеловеческому гонению, расстреливает, ссылает в Архангельскую губернию, на место них вселяет в казачьи края „своих“. Эта цель большевиков и их система работы в казачьих краях невтерпещ стали казакам и они восстали. Кубанцы снова уходят в горы, ведут напряженную и непримиримую борьбу, истекая кровью, выбиваясь из последних сил. Естественно, их мысль в этот тяжкий для них момент обратилась к своим братьям в эмиграции, прося и умоляя о поддержке и помощи. Они, восставшие кубанцы, совершенно правильно пишут: „не поможете нам во время, не станет нас, а когда не станет нас — не будет и вас“.

Естественно, что Куб. и Терск. Атаманы обратились с призывом к казакам о пожертвовании в „фонд спасения родины“, вызвавший большой интерес среди казаков. Казалось, что иначе и быть не могло. Там братья истекают кровью в беспощадной борьбе с жестоким Московским большевизмом, просят о помощи. И всем казакам понятно желание Куб. и Терск. Атаманов — помочь страдающим казакам. Но этот человечески понятный шаг Атаманов сильно не понравился некоторым русским патриотам и некоторым ретиво „россиянским“ казакам, усмотревшим в призыве Атаманов „тайную самостоятельность“. (Мы, напротив, с большим сожалением должны заметить, что в том призыве, есть и призыв к повторению прошлого, хотя и не такой решительный, как это было в 1918-1920 годах. Но об этом — в другой раз). По их „патриотическому“ пониманию Атаманы не смеют иметь желание — помочь казакам без разрешения ген. Миллера.

На призыв Атаманов ген. Миллер разразился предписанием, в котором пишет, что „Кубанский и Терский Атаманы уведомляют об образовании для этой цели своей особой, чисто казачьей казны и приглашают казаков нести свои жертвования именно в эту последнюю... Я считаю, что приведенный выше приказ Атаманов может повредить нашему общему делу, внести смущение в умы жертвователей-казак. Я обратился к

ген. Богаевскому за рас'яснением — как следует понимать указанный выше приказ Куб. и Тер. Атаманов. Ген. Богаевский сообщил, что ему ничего не было известно об их выступлении и со своей стороны высказал, что подобные сепаратные выступления Атаманов им не разделяются. Ставя Вас в известность о всем вышеизложенном, прошу Вас дать подчиненным Вам казакам исчерпывающие указания об активной работе РОВС и предложить им по прежнему нести свои добровольные пожертвования именно в фонд имени Вел. кн. Ник. Ник., одним из членов Главн. Комитета какового фонда состоит и Атаман старейшего Войска ген. Богаевский* (предписание Н-ку IV отдела РОВС от 5 авг. 1930 № 385).

Документ говорит сам за себя. Атаманов делают вредное дело. Казакам предлагается давать свои деньги не своему Атаману, не для своих казаков, а „по прежнему“ давать ему ген. Миллеру.*)

При этом берется в свидетели ген. Богаевский „Атаман старейшего Войска“, которому „не было известно об их (Атаманов) выступлениях“, и который не разделяет их „сепаратизм“...

Так отнесся ген. Миллер к призыву Куб. и Терск. Атаманов о помощи казакам. Немедленно нашлись „послушные и верноподданные“ казаки в Белграде со своей „Куб. Центральной станицей“, вынесшие суровое осуждение „попыткам явных и скрытых самостийников“, квалифицирующее работу Кубанского Атамана „легкомысленной и вредной“, высказывающее крайне отрицательное отношение к деятельности кубанской канцелярии и ее журналу „Вольная Кубань“, обвиняя эти учреждения „в полном забвении казачьих интересов“. Очевидно, по своеобразному пониманию этих казаков, призыв к казакам о помощи повстанцам кроет „полное забвение казачьих интересов“. Очевидно, по их мнению казачьи интересы будут „соблюдены“ только тогда, когда будут призывать казаков жертвовать свои деньги не в казачью казну, не на казачье дело, а когда будут призывать их поклоняться всем „вождям“ по очереди!

Конечно, казачи сами поймут, где их интересы защищаются, а где действительно предают. Приводя выдержки из „приговора“ Куб. Центр. станицы, редакция журнала „Часовой“ (№ 38) от себя добавляет: „Нам кажется, что Куб. и Терск. атаманов делают большую и непростительную ошибку“. Отныне имена Куб. и Терск. Атаманов занесены на черную доску и им не прощать! Какая, однако, смелость! Кто у „них“ будет просить прощения? Не простят потому, что им услужливые и раболовные казаки донесли, что в призыве Куб. и Терск. Атаманов, кроется „скрытая самостийность“ и ред. „Часового“ спешит расквитаться, что с самого начала не приговоздила к позорному столбу Атаманов „будучи введена в заблуждение сходством названий фондов“...

По мнению органа председателя ОВРС ген. Миллера, самостийность — зло, с которым необходимо беспощадно бороться. Но вот тот же ген. Миллер в лице своего представителя на Дальнем востоке ген. Дитерихса является союзником и защитником самостийности.

Газета „Возрождение“ от 9 сент. № 1925 приводит сообщение о состоявшемся у ген. Дитерихса собрании представителей русской печати и общества, на котором предст. Юрий. Общ. г. И. Н. Шендрикков „коснулся вопроса о выяснении отношения иностранных держав... о заинтересованности некоторых иностранных групп в определенной форме завершения освободительного движения на Дальнем Востоке — напр., для них приемлемо будет государство — буфер“. На это генерал Дитерихс ответил: „Идея государства — буфера и идея сибиряков областников вполне реально приемлема, также как и иностранная поддержка“...

*) Пикантное явление: когда дело идет о пожертвовании со стороны казаков, то они существуют, когда дело идет о помощи казакам, то „никаких казачьих вопросов, ни одной копейки казакам!“ (Слова ген. Драгомирова, пом. ген. Миллера, приведенные в речи ген. Калининым на публичном собрании в Париже).

Что это за двуликая политика? Самостоятельное, Сибирское буферное государство, по своему географическому положению должное немедленно попасть под прямое и непосредственное влияние великих государств и могущее окончательно „улыбнуться“ „Великой России“ — „вполне реально приемлемо“, а Казачье самостоятельное государство, освобожденное силами самих казаков, — страшное зло, с которым необходимо бороться всеми силами и средствами?

Трудно, почти невозможно понять. Объяснить ли это тем, что „Сибирское буферное государство“ будет создаваться при „иностранной поддержке“ и под властью Дитерихсов, а Казачье государство будет создаваться силами самих казаков, будет управляться разумом самого Казачества, где не будет почетного места гг. Дитерихсам? или особую специальную ненавистью гг. Дитерихсов к „казачкам разбойничкам“?

Хороший повод казакам для размышления на тему о ценности „принципиального отрицания самостийности“ русскими „патриотами“: отделить Сибирь для гг. Дитерихсов „реально приемлемо“, а освободить Казачество от нечеловеческих страданий и мук — преступление. Другая тема казакам для размышления о ценности „любви русских патриотов“ к казакам: страдать и умирать вы можете, но жить наравне с нами и радоваться не смеете...

Для морального оправдания подобного рода требования к казакам имеется послушный свидетель, ген. Богаевский, показывающий „достойный“ пример умаления достоинства и высокого значения Донского Атамана...

Куб. и Тер. Атаманов обращались к Богаевскому с предложением выступить совместно, но последний все их письма оставил без ответа. Тогда первые решили выступить самостоятельно, напечатали призыв в „К. К.“ Богаевский стал „комбинировать“ — и Миллеру угодить и казаков обвести. Стал поджидать, как казаки отнесутся к призыву Куб. и Тер. Атаманов.

Но такая — „умная позиция Богаевского“ никого в Париже не удовлетворила: ген. Миллер прямо поставил вопрос — как он смотрит на призыв Куб. и Тер. Атаманов, на что Богаевский ответил — ему это неизвестно и он не разделяет; с другой стороны казаки стали спрашивать его — почему он, Донской Атаман — не издает приказа о помощи?

3-го августа состоялся сбор Куб. станицы в Париже, который постановил ежемесячно отчислять в фонд по 5 франков с каждого казака. Тогда Богаевский понял, что „ошибся“ и в 10-ых числах августа выпустил „тоже“ призыв к казакам, в котором пишет, что если сами казаки себе не помогут, то им никто не поможет.

Но и тут „комбинации“. Во-первых он свой „призыв“ напечатал не в газетах, ему вполне доступных, не в своем журнале „Р. К.“, а выпустил отдельную листовку.

Интересно, пошлет ли он свою листовку ген. Миллеру? А если пошлет, то как последний будет реагировать на нее, ведь он уже причислил Богаевского к лику святых за то, что он „не разделяет“ призыва Куб. и Терского Атаманов, а этот „тишайший и смиреннейший“ втихомолку взял да и „подгадил“.

Будет ли „Часовой“ снова писать, что гладил головку Богаевскому „будучи введен в заблуждение“ и причислит его к рязряду людей, как Куб. и Тер. Атаманов, которым нельзя простить, или Богаевский гарантирован „от кары“?

Пикантное положение! И до чего „хитрость“, может довести людей!

Ш. Балинов. (Париж).

Бухарестские письма.

II.

Дед Данила.

Сегодня целый день бродил по Бухаресту, искал работы и к вечеру, усталый, зашел к деду Данилу.

Дед Данила — старый донской казак, выдавший вид: был вахмистром в „действительной“, Атаманом хурторским и за освобождение Казачьих Земель первый поднял знамя восстания против оккупантов.

Три сына и два внука — убиты красными в боях.

Остатки членов семьи — вымерли от голода и тифа. Остался он один и живет теперь „сам на сам“, как он любит выражаться.

Перенеся всю тяжесть отступления, участвуя в боях и испытывая сейчас всю тяжесть изгнания — он не потерял свое здоровье и Вольно-Казачий дух.

Живет он на окраине Бухареста в наняемой небольшой комнатке, занимаясь выделкой деревянной посуды.

Каждую субботу его можно встретить на Большом Базаре или в окрестных деревнях, продающего свои изделия.

И зимой и летом — он один и тот-же: в казачьей шапке, в сапогах, замкнутый, угрюмый. Его небольшую комнатку, украшают: медное Распятие (память Дона) и карта Казачьих Земель (обложка журн. „В. К.“) в рамке его собственной работы.

— Вот это все мое богатство, надежда и вера, — говорит он, указывая на карту и Распятие.

— Распятый Христос... распятые Казацьи Земли, утром и вечером я всегда молюсь на них.

— А откуда-ж это у тебя, дедушка, журнал? выпи-сываешь, что-ль?

Нет, дорогой мой, не по карману. Надась был у наших казаков на кирпичном заводе, так они мне дали. Они выписывают все журналы. В воскресенье, как раз, получили „Родимый Край“. Все смеялись. Богаевский пишет, что они основали, какой-то там банк, так что-бы казаки, значит, поддержали его и не держали-бы деньги под матрасом, а пересылали бы к ним. Дескать, вы, казаки, малограмотные и не знаете, как с ними нужно обращаться. А у нас тут, мол, люди знатные — князья в Государственных Думах бывали — все знают. Одним словом, вы, мол, дураки, а мы люди просвещенные, — на што вам деньги. А Савельич, чудак-же, говорит: нам, казакам, все князья — друзья, они нам родня, — их нам голый пес на хвосте принес!

— Смяху — животы порвали!

Да и Богаевский-то с умом собрался: не держите, говорит, деньги под матрасом, а то украдут, или погорят... Я аж выругался, грешник! Какие-ж тут в..... деньги, прости, Господи! День и ночь долбишь, долбишь, никак на харчи не надолбаешь, а он говорит — покупайте акции. Чудаки!

— А может быть эго, дедушка, — вставил я, — все делается для пользы Казачества. Есть где-то написано что, — „Блажен, кто свой челнок привяжет к корме большого корабля“.

— Да, да — горячился дед — вот про этот-то челнок, да не челнок, а каюк, я тебе и хочу рассказать! Это было давно. Мне было годков с двенадцать. В Дону под Черненым Яром селедку с дедом мы ловили. Ночью буря разыгралась. Дождь пошел. Сверкала ма-ланья и сграшный гром гремел. А мы с дедом под каюком на берегу сидели, притаились. Вот вдарил гром! Зажег Ясыркины скирды и красным светом озарился Дон. Плетни, столбы, камыш и кучи хвороста — все по Дону плыло. Мне стало страшно. Я прижался к деду ближе.

— Не бойся! — говорит дед, — не такая „гроза“ была, да прошла! Вот посмотри, плывут плоты, столбы, доски и хворост, — вот так когда-то плыли казаки, казенные анчихристом Петром! Погибло десять тысяч казачьих головушек! Все за Степушку широкою... да за Волюшку Казацкую! Погиб и Славный Булавин, как Христа распяли, изверги! Тому надлежало быть... все идет по Писаниям... Анчихрист народится на земле и воссядет на престоле... и встанет род на род, царство на царство... Будут глады... будут моры... Не ужасай-тесь! — тому надлежит быть... Соединятся Донцы с Горцами и Царство будет их одно...

— Так вот, дорогой мой, все сбылось, что говорил мой дед! И анчихрист был на земле, и от тихва и от голода мерли, как мухи, и народ народу горло перере-зывать, и вот (указывая на карту Казачьих Земель) обье-диняются Донцы с Горцами — значит, все казаки и на Степях и на Горах — составляют одно Казацье Цар-

ство! Все идет по Писаниям... Все от Бога... Сему над-лежит быть!

А сколько наших полегло за Казацье Царство? Бо-же мой... Боже мой... Никогда не забуду, как мы с уну-ком Васюткой под Царицыным на пулеметы в атаку пошли... От нашего полка семнадцать человек в живых только осталось. Васютку семь пуль так и перерезали!.. Конь под ним своих заводов был, золотистый, белано-гой — как змей взвился на задних ногах и шлепнулся через заднюю луку — убился наповал!.. А Васютка, ког-да я подбежал к нему — ишо живой был. Кровь так и хлихатить из него... горячая... молодая. Чиво-ж? Ему только пятнадцать сравнялось... В глазенках полон слез... губы кровью запекаются... только и сказал: де-душ-ка, я у-ми-рра-ю. На моих руках и скончался. А перед боем говорил: хочу, говорит, дедушка, поглядеть те места, где Стенька Разин с казаками пировал. Не поглядел Царство ему Небесное! Ребенок ишо был...

Дед Данила замолчал. И крупная слеза скатилась на засаленный фартух, расставя на стамеске...

Сергей Маргушин.

Бухарест. 15-VII-1930 г.

Братья, казаки!

Имея в настоящее время возможность через наш казачий орган с вами говорить, начну с народной по-словицы: „Ученье свет, не ученье тьма“. Вот в этой тьме мы, казаки, до сих пор и находились. Московское правительство нас, казаков, 150 лет пользовало, возла-гая на нас самые трудные военные задачи. А между прочим, не дало нам ни фабрик, ни заводов, ни выс-ших учебных заведений. И еще в результате привело нас к этому этапу, в котором мы теперь находимся.

Так не довольно ли полуторавекового горя? Не пора ли нам взглянуть на те государства, которые уже освободились от московского ига, и будем с ними бо-роться за раз.

Братья казаки, кто нас довел до нищенского по-ложения? Где эти Деньжины — Филимоновы и комп., что мягко стлали, а теперь нам жестко спать? все они разбежались...

Вспомните, кубанцы, как в 1775 г. зверски и пре-дательски поступило москов. правит. с Запорожской Сечью. Такими приемами можно было пользоваться только в Африке.

Не пора ли казакам сказать московским „концес-сионерам“: руки прочь от Казачества!

Мы, казаки, требуем национальной справедливости, того законного права, по которому была закончена Европейская война, в которой казаки пролили много крови. Свою хату мы построим сами, по казачьи.

Кто в этой работе нам поможет, за того мы по-стоим горою, но не дай Бог если нам кто зло делает: об этом нужно спросить Деникина. Он знает, как ка-заки платят за зло. Он еле, еле ноги утащил с Куба-ни: а всего то его и гнали двое мертвых. Эти двое мертвых оказались сильнее армии Деникина, — били ее спереди и сзади.

А нас, казаков, опять же эти двое, но не мертвых, они живут среди нас, учат, как нужно защищать честь и свободу свою и следующих жертв не бояться.

Братья казаки, история нас учит, нас зовут лучшие люди, которые собрались около маяка — Вольное Казачество.

Всякий народ, который борется за свою независи-мость, в конце концов победит, нет еще до сих пор в истории случая обратного.

Реставрировать Москву, как это хотел Деникин, мы не собираемся; нравится московскому народу царь, нехай ими правит; нравится Сталин, и то не наше де-ло, — у всякого свой вкус и всякий народ достоин своего правительства.

Итак, братья казаки, та прямая, которая ведет к маяку Вольного Казачества, есть кратчайший путь в Казакию, до нашей хаты.

Ст. ур. Духной.

Крагуевац (Югославия).

Казачье колонизационное дело.

Ниже помещаем отрывок из письма инж. Терещенко о его первой поездке в Техас и Мексику:

... Теперь общие соображения о земле в Техасе и Мексике, откладывая описание на специальный доклад из Нью-Йорка. Осматривал я их с максимальной осторожностью, с теми вопросами в руках, которые были у нас утверждены, докапываясь до всего, что позволяло время, дабы облегчить в будущем работу делегации, если таковая приедет. И Техас и Мексика произвели на меня самое хорошее впечатление в смысле возможности не только переселения, но и известной уверенности в крупном успехе всего дела и его значении для будущего.

„География“ моей поездки была такова (по тем картам, которые вышло вы сможете проследить подробно): Нью-Йорк—Вашингтон, где остановка для переговоров; дальше Вашингтон—С.-Антонио через Н.-Орлеан, где на поездном пароме переправился через Миссисипи. В С.-Антонио — встреча с К. и Д. Отсюда поездка с ними на автомобиле в имение Медина (25 клм.) и дальше (60 клм.) в „Катарина Фарм“. Остановка здесь на три дня и подробный обезд ежедневно имения.

Далее около 350 клм. на автомобиле вдоль Рио-Гранде до г. Бруневилья. Отсюда в Мексику через город Матаморос. Осмотр имения в Мексике и окружающего района, осмотр реки Сото-Ля-Марина, устья, ближайших городков и „убеждение“ в наличии нефтяных изысканий. Всего по Мексике исколесил на автомобиле до 800 клм. Возвращение в Бруневилья. Отсюда на автомобиле около 450 клм. назад в Сан-Антонио, где разговоры с директорами. Оггуда в Н.-Орлеан, откуда сейчас и пишу. Возможно, что через несколько часов выеду на осмотр земли по Миссисипи и Миссури — дня на 2-3 (в зависимости от того, приедет М. или нет); жду каждую минуту его телеграмму, т. к. она будет из С.-Антонио мне протелеграфирована в Н.-Орлеан.

Техас — страна, переживающая момент вхождения в орбиту американской жизни, начальный период колонизации (по крайней мере в южной части), идущей таким бешеным темпом, какой может иметь место лишь в С.-Штатах. Там, где 5-10 лет тому назад были пустые места, теперь выросли города с десятками тысяч населения, проведены сотни верст асфальтовых шоссе, все опутано телеграфом и телефоном, десятки станций, холодильников, упаковочных, складов и т. д. Тут все это идет в обратном порядке, чем представляем мы: сперва проводятся дороги, телеграф и т. д., а потом появляются колонисты. Тут можно наблюдать такие курьезы: в имении Медина один американский трест открыл немедленно, как только тут появились первые фермеры, большую фабрику консервирования овощей, рассчитанную на переработку продукции сотен тысяч десятин земли, в то время как пока обрабатывается быть может одна сотая необходимая для получения сырья земли, — настолько здесь сильна конкуренция и стремление обогнать и быть первыми. Электрические компании проводят сети по незаселенным пространствам в сотни клм. длиной для того, чтобы быть первыми, если появится в недалеке дом, куда нужно будет провести электричество. На юге Техаса открыты новые нефтяные богатства, день и ночь идет изыскания (на небольшом углу „нашей земли“ в имении „Катарина Фарм“ тоже обнаружена нефть). Во все это дело швыряются бешеные деньги.

„Орешек“ этого района в сель-хоз. отношении в том, что он самый южный в С.-Штатах и, следовательно, может первый поставить на рынок поспевающие земледельческие продукты. Ранней весной отсюда идут тысячи вагонов „саженцев“ лука, которые выращиваются уже в пригородских районах Севера. Этот же район первый выбрасывает на рынок апельсины и лимоны. Проблема сель-хоз. здесь в воде, и не только потому, что без искусственного орошения здесь было бы невозможно

хозяйничать („сухих“ ферм, без орошения здесь полно), но потому, что при орошении получаются прямо чудовищные результаты и, бросая миллионы на орошение, люди через несколько лет получают десятки миллионов.

На ряду с местами со скудной почвой здесь попадаются места с почвой прямо прекрасной! Климат превосходный! Я ведь ездю в самое жаркое время года и... легче переносу жару, чем в Праге: ясное небо, изумительно чистый (вплоть до небольших миражей!) воздух, легкий ветерок, полное отсутствие пыли. Часов с 4 дня ветерок усиливается, так что никакой жары уже совсем не чувствуется, и продолжается до рассвета. В связи с тем, что до сих пор здесь процветало скотоводство, всюду вырыто много колодцев с хорошей водой (накачивается вода ветром, для скота) и сделаны запруды и бассейны, так что проблема не столько в самой воде, но в ее количестве, т. к. колодцы при постройке не предназначались для орошения и трубы в них слишком узки, чтобы можно было накачать нужное для орошения количество воды. Нужно строить заново. В имении Медина все уже построено, проведены каналы, канавки и т. д. Помимо всего, это подняло и стоимость земли на 150-250 долларов за акр, в то время как в „нашей части“ ее предлагают по 20 долларов (если захотим, то согласны вырыть и колодцы с соответствующим начислением на стоимость земли).

Через „нашу землю“ проводится асфальтовое шоссе к Мексиканской границе, а около самого имения должна пройти жел. дорога из С.-Шт. на Мексико Сити (столицу Мексики). Общий характер местности — равнина с кустарником то жидким, то, наоборот, очень густым, высотой от 1 до 2½ метров — терн, травы, кактусы, дикий подсолнух и всякие местные растения. В большинстве случаев по этим „зарослям“ можно двигаться автомобилем без всякой дороги (!), что неоднократно делали и мы. Отдельные районы изобилуют расчленинами (1—1½ метра глуб.), вырытыми весенними водами.

В общем, колонизация Техаса требует больших денег на самую покупку земли, колодцы и т. д.; далее, здесь нужно считаться с порядочной трудоемкостью будущего хозяйства; зато экономически здесь нет никакого риска, т. к. страна растет цена на землю и от одного плевка на почву ее цена уже подымается. Самый факт приезда на землю уже настолько повысит ее цену, что о риске не может быть и речи. Ни о каких проблемах рынка, сбыта, упаковки, путей сообщения, болезней, паразитах и т. д. не приходится совершенно думать: при здешнем совершенстве техники об этом говорить просто смешно. Техас требует много труда, денег, но принесет определенную немалую прибыль колонистам, размеры будут зависеть от работоспособности отдельных хозяев.

Совершенно иное — Мексика. Девственная страна непочатых возможностей. Феноменально ленивое, добродушное, флегматичное, беспечное население. Я не видел ни одного „работающего“ мексиканца, в том смысле, как понимаем работу мы. Зато видел их спящими посреди дня, сидящими часами в созерцательном настроении; каждый вечер они собираются кучками вокруг своих плетенных лагун, крытых травой (вроде нашего камыша), появляется гитара, скрипка начинают часами петь (чудные испанские мелодии, которыми я прямо заслушивался), кто нибудь под аккомпанемент гитары рассказывает исторические легенды, без конца курят, потом до утра танцуют при свете южных звезд и ласкающем ветерке с Мексиканского залива, все это оставляет неизгладимое впечатление уюта (его нет в Америке), тихости, напоминает прелесть вечеров на наших хуторах и в станицах, заражает ленью и создает мечтательное настроение. А между тем, что за земля!!! Вы увидите на фотографии кукурузу в 2½ человеческого (вернее моих) роста, растущую на не вспаханной земле: просто тычут в землю зерна — растет... Только капелька-капелька труда и небольшую лужу воды и придитесь просто смеяться над тем, что дает здесь земля! А

два-три километра в сторону — глядишь уже сухая почва, колючий кустарник. Пастбища, впрочем, великолепные везде. В смысле воды здесь несравненно лучше, чем в Техасе: здесь вполне достаточно земли на 3.000 человек, которая может давать плоды без всякого орошения; мексиканцы никакого орошения и не знают. Москитов нет, много лишь клещей (но и то в зарослях).

Характер местности: от голых равнин на горах до буквально оранжерейных зарослей в отдельных долинах; здесь и наши Астраханские степи и уголки Черноморского побережья. Жары бояться не приходится, так как все время легкий ветерок с моря, и жара совсем не мешает, много тени. Судя по вырытым дождями канавам, ливни, повидимому, бывают сильные, но не характера ураганов: постройки очень легкие и выдерживают 20—30 лет.

Дорог... их собственно здесь нет! Дороги здесь такие, какие у нас по горам в лесах Закубанского района. Мы ездили на автомобиле, но рискуя каждую минуту перевернуться: ямы, кочки, пни. По таким дорогам ни арбузов, ни помидор отсюда не вывезешь. Впрочем, мимо имения теперь недалеко пройдет шоссе. Река Сото-Ля-Марина у устья гораздо шире Кубани у Екатеринодара; в других местах саженей 50—80. Ее рыбные богатства изумительные: кажется прямо можно хватать руками; у устья масса устриц. С западной стороны имения изыскания нефти Шеля (Детердинг): собственными глазами видел горы труб, двигатели и т. д. Весь этот уголок лежит на продолжении той полосы нефтяных богатств Мексики, которые теперь занимают одно из первых мест мира. Владельцы земель в этих местах получают ежегодно большие суммы от Шеля, за то, что дают возможность вести работу. На „нашей земле“ доход от этого измеряется по моим данным в 25.000 долларов в год. Но результаты своих изысканий Комп. Шеля хранит, конечно, в большой тайне.

Непосредственно через „нашу землю“ должна пройти ветка жел. дороги из Бруневиля (город у устья Рио-Гранде) на Тампико, которую хочет строить одна из богатейших ж. д. компаний С. Шт., желая перетянуть на свою более короткую ветку все движение грузов из С. Шт. в Мексику. Проект этот тянется уже десять лет. Вся штука видимо в том, что правительство Мексики не хочет давать концессию американцам. Со мной вместе ездил представитель этой жел. дорожной компании, производивший экономическое обследование края. У него на руках была карта (он не хотел мне ее давать, говоря загадочно, что в продаже ее не найдешь; уж слишком она велика, подробно с рядом тайственных значков по ряду моих данных соответствующих

залежам нефти), на которой я собственными глазами видел 2 линии варианта провкта жел. дороги: одна идет геометрической прямой по берегу Мексиканского залива (через „нашу землю“), другая — кривой через городок Сато-Ля-Марина (в пределах „нашей земли“) и через значки, которые я думаю соответствуют неф. приискам... Кусок этой карты (самое имение...) все же ухитрился снять... Такие обследования ведутся и о постройке порта у устья Сато-Ля-Марина.

Мексиканское правительство сейчас делает все возможное, чтобы оживить экономическую жизнь страны. Огромные деньги отпускаются на иммиграцию и всем, кто только сумеет с мало мальски нечто обещающим проектом — оно идет навстречу и дает бесконечные льготы. Одновременно являясь правительством националистическим, оно очень ревностно бережет свои интересы от американцев, боясь завоевания себя американским капиталом. Американские руки со всех сторон тянутся к Мексике, любой американец готов вложить какие угодно деньги на предприятия в Мексике, зная, что это — страна непочатых возможностей. Но правительство С. Ш. очень бережно относится к Мексике...

Положение очень заинтриговывающее. Если сумеет использовать заинтересованность Мекс. правительства (Мексика ввозит массу сельхоз. продуктов) и взять известную монополию на данный участок земли с правом привлечен... иностранного капитала... то тогда здесь могут быть перспективы прямо ошеломляющие...

... Если эти четыре комбинации провести в жизнь, то можно выиграть...

В итоге: в Мексике большие организационные (вернее коммерческо-финансовые) трудности, все менее точно и определено, а следовательно и более рискованно, но зато в случае удачи, здесь — баснословные заработки, отпадает вопрос о визах, и реально возможно создание собственного „царства“, где найдут применение себе не только земледельцы, но и самые широкие кадры интеллигентных сил.

Делайте теперь выводы сами. Не скрою, что меня, как экономиста, конечно, Мексиканские комбинации очень заинтриговывают, ибо по связям и „крупности игры“ могут иметь большие исторические последствия. Кроме того здесь больше простора.

Лучший исход — и Техас и Мексика одновременно (по крайней мере кусочек Техаса): 1) Перестраховка, 2) выход для казаков местных, едва ли желающих ехать в Мексику из С. Шт., 3) имеется на лицо готовая финансовая группа, хотя и заинтересованная в Мексике, но все же созданная на базе Техаса...

Казачья эмиграция.

Казачья эмиграция.

(По докладу о. Михея, вернувшегося из Перу).

В Париж из Перу возвратился иеромонах Михей, который в качестве священника выехал с группой казаков из Парижа в Перу в мае 1929 года. О колонизации в Перу до сего времени много написано газетных страниц и казалось бы можно сделать полное представление как о самой республике, так и о деле переселения казаков, но приехавший оттуда священник о. Михей сообщил совершенно новое, неслышанное нами здесь в Европе. Следует заметить, что сам о. Михей человек честный, добрый, трезвый, каким пастырь и должен быть.

Начиная свой доклад, о. Михей предупредил, что его доклад будет печальный и не веселый. Личностей постарается не касаться, дабы не быть заподозренным в симпатии к той или иной группе.

Сделав маленькое предварительное обозрение подготовительных работ в Париже по переезде в Перу, о. Михей переходит к встрече в Марселе двух групп — Югославянской, во главе с генералом Павличенко, и Французской, во главе с Лысенко. Ген. Павличенко встретил французскую группу с воинскими почестями и тут же объявил приказ Кубанского Атамана, коим он, ген.

Павличенко, назначается старшим вообще над всеми казаками, едущими в Перу.

Французской группе все это не понравилось, побоялись военщины, дисциплины... Сразу стало видно, что две группы не сойдутся; так оно и получилось. Группа, ехавшая из Югославии, производила более лучшее впечатление, чем ехавшая из Франции. Однообразная форма одежды, бравый, молодецватый вид казаков располагала к ним. Ген. Павличенко, видя, что неладит между группами доброго ничего не дадут, искал компромиссов и согласен был на то, чтобы сообща избрать Атамана или старшего и послать на утверждение Атаману.

На это как будто бы был согласен и г. Лысенко, но лица окружавшие ген. Павличенко и г. Лысенко на это не соглашались.

Попытки были сделаны и может быть они и привели бы к хорошим результатам, но ряд последующих явлений устранили эту возможность. О. Михей был назначен по просьбе казаков, уезжающих из Парижа, но потом он, как пастырь, обслуживал духовные нужды всех казаков. Первое же богослужение породило новую распрю, а именно: после литургии и ген. Павличенко и г. Лысенко одновременно подошли к кресту, но г. Лысенко подошел первым. Это дало повод обвинить о. Ми-

хей в симпатиях к французской группе, хотя о. Михай выходил каждый вечер на „зорю“ по сигналу трубы, тогда как никто из французской группы этого не делал.

На пароходе было совершенно бракосочетание, пышно была отпразднована свадьба, которая тоже послужила яблоком раздора. Главное же, причиной несогласия групп о. Михай приписывает не тем мелочам, которые изложены выше, а другому, более существенному явлению. На пароходе выяснилось, что две группы едут, имея совершенно разные цели: группа из Парижа, по условиям присланным г. Королевичем из Перу, едет для колонизации, т. е. для посадки на землю и занятия сельск. хозяйством. Группа же из Югославии едет для работы на шоссе и только впоследствии на колонизацию.

Ехавший из Югославии П. Т. Королевич, родной брат проживающего в Перу, тут же заявил французской группе, что ему ничего неизвестно относительно тех условий, на которых едут казаки, а что они будут работать на концессии его брата по постройке дороги. Сколько времени придется работать и когда будет посадка на землю, Королевич не сказал, но все время твердил, что будут строить шоссе, куда не следовало бы ехать белоручкам, а нужны молодые и здоровые...

Здесь следует заметить, что г. Королевич напрасно упрекал французскую группу в том, что там есть белоручки, так как белоручки были и в Югославянской группе и пишущий эту информацию лично знает некоторых из Югославской группы, которые не только не работали в сельском хозяйстве, а даже редко это видели.

После такого заявления Королевича, французская группа решила, что, по приезде в Перу, она ни за что не пойдет на постройку шоссе, так как это удовольствие и в Европе надоело. С этого дня — говорит о. Михай, пропасть между группами ширилась, люди смотрели волками друг на друга, было прямо жутко. Груша ген. Павличенко рьяно отстаивала интересы Королевича и свои цели. Неладья между группами стали очевидны и для постороннего глаза. Пассажиры, так симпатизировавшие вначале казакам, теперь стали их побаиваться.

Среди пассажиров стали распространяться о казаках некоторые слухи, породившие страх у пассажиров III класса, страх за свою жизнь, и они стали просить капитана о переводе во II класс, делая доплату в стоимости проезда.

Пароходной компании было выгодно такое заявление с коммерческой стороны и о. Михай допускает, что тут могла быть и провокация. Все, что происходило среди казаков, не могло, да и не должно было ускользнуть от внимания капитана парохода, который предупредил, что если эти распри не прекратятся, то он вынужден будет отобрать оружие у казаков.

На пароходе было прочитано несколько лекций. Одну из лекций прочел перуанец, сенатор Монш, который в деталях описал те перспективы, которые ожидают казаков в Перу, как сельских хозяев. Но разноречивой в мысли казаков вносила постройка шоссе с одной стороны, заманчиво стать хозяином — сесть на землю, с другой, но г. Королевич ставит на первый план постройку шоссе, а потом уже — земля.

Группа, выехавшая из Парижа, тут же порешила, что шоссе строить она не пойдет, и лекция г. Монш еще больше укрепила это намерение. Последствия показали, что казаки группы ген. Павличенко, только на словах ехали строить шоссе, а на деле, тоже потребовали посадки на землю, что повидимому г. Королевичу, мечтавшему сделать казаков белыми рабами, не очень понравилось и в своей книге „История переселения казаков в Перу“ он обвиняет казаков, что они не хотели работать, пьянствовали, терроризировали население...

Дальше, по приезде в порт Кальяно, обе группы по требованию президента республики были доставлены в столицу республики — гор. Лима. Ехавшая группа австрийцев тоже не хотела отставать и пролезла за казаками, но на них как то никто не обратил внимания. Перед представлением казаков президенту республики опять разыгрался инцидент между двумя группами: „югославцы“ требовали от „французов“ черкеску, которую последние заготовили в подарок президенту, а так-

же пытались заставить казаков, ехавших из Франции снять черкески. Во всех таких проявлениях доказывалось, что де французская группа „не имеет права“ — ни того ни другого, и вот тут впервые, говорит о. Михай, раздались обвинения в большевизме французской группы. Президенту представились обе группы порознь.

Президент, приветствуя казаков, начал говорить сначала по английски, но ему подсказали, что среди приехавших нет говорящих по английски, и президент стал говорить по французски. За группу ген. Павличенко говорил Королевич (по испански). От французской группы отвечал президенту на прекрасном французском языке один из группы Лысенко. Он высказал уверенность, что ни президент, ни правительство не дадут казаков в руки эксплуататоров, и используют их для той цели, для которой казаки привезены, т. е. чтобы стать здесь культурными сельскими хозяевами и хорошими гражданами. Ответ произвел впечатление, но это не понравилось госп. Королевичу т. к. он уже чувствовал, что французскую группу отправить на работу на шоссе ему не удастся.

Маленькая неловкость была допущена ген. Павличенко во дворце президента, а именно: только кончили приветственные речи, еще не знали, долго ли будут оставаться здесь, как ген. Павличенко, как бы вступая в права хозяина, заявляет: а теперь мы покажем, как казаки умеют танцевать. Загремела наурская, заблестели кинжалы, шархнулись в сторону дамы; танцевали казаки хорошо, но как-то вышло несколько неловко. После этого возвратились казаки в Кальяно.

Приехал г. Королевич, он уговаривал группу Лысенко „не делать разнобоя“, а ехать на его концессию, добавляя, что он, Королевич, хочет чтобы каждый ел белый хлеб. Одновременно было видно, что сближение групп едва ли будет достигнуто: ген. Павличенко и г. Лысенко слагают с себя обязанности, но группы, то соглашаются, то не соглашаются. На вопросе единения группы сходятся, все говорят не нужно помнить зла, но на другом вопросе единения не могло произойти. Группа ген. Павличенко поддерживала г. Королевича и согласилась работать на шоссе, группа же Лысенко и слушать об этом не хотела.

Королевич, видя, что никакие уговоры не действуют, обозвал группу Лысенко большевиками (впоследствии он и группу Павличенко обвинял в большевизме, когда те требовали свое) и уехал с группой Павличенко на Монтанью, а группа Лысенко осталась в Кальяно.

Дальше о. Михай говорит только о группе Лысенко, но об этом в следующей корреспонденции.

Еф. Якименко.

Платовцы в Южной Америке.

... Весть из-за далекого океана приносит нам — казакам новую радость. Там казаки Платовцы оставляют хорошую память о себе, а о нас казаках творят хорошую славу.

После полугодового путешествия по Южной Америке, Платовцы даже присутствовали на выборах самой красивой дедушки на свете „Мисс Универзум“.

В роскошном отеле „Глория“, в городе Рио Де Женеиро, был заказан 27-го августа бал. Этот бал посетили: изысканный свет бразильского общества, дипломатические представители и представители международной печати. Здесь присутствовали красавицы — избранницы от многих государств света. Когда вошли Платовцы во главе со своим регентом Кострюковым, зал поздравил казаков бурными и долго не смолкаемыми аплодисментами.

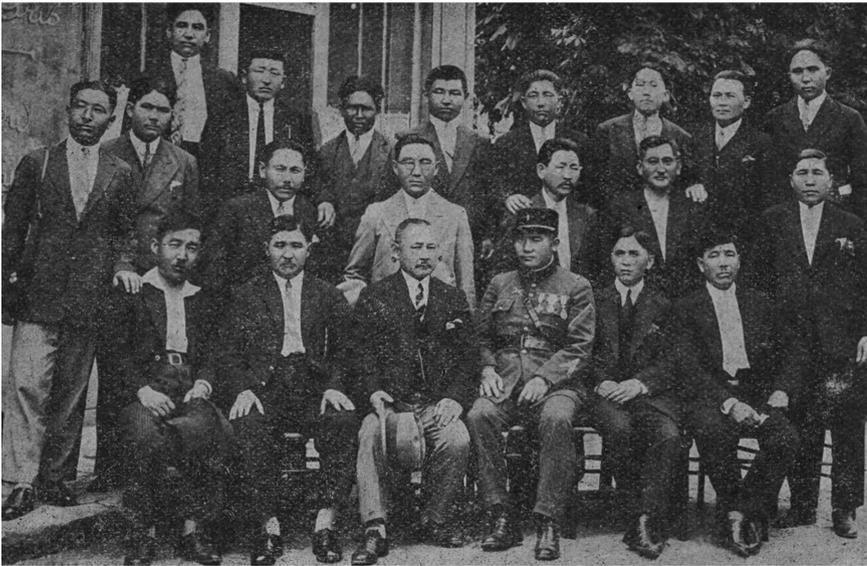
Хор дал несколько номеров казачьей песни из своего репертуара. Слушатели принимали казачье пение с восхищением и настойчиво требовали повторения.

На следующий день, в театре „Teatro Lirico“, казаками был дан концерт в честь „красавиц всего света“.

В 12-ти ложах были размещены „королевы“. Их приветствовал с трибуны Кострюков.

Как приятно и радостно слушать такие вещи, нам здесь, казакам в Европе, в заброшенных уголках Югославии.

Сообщил Г. А.

Группа членов Обще-калмыцкой станции в Париже, провожавшая своего собрата в Иностранный Легион.

На юге Франции.

Не забывает казачество и за границей свою удалую казачью и нет, нет да и попробует проверить свои силы на коне.

Наспех сформированная команда джигитов, без подготовительных репетиций, выступила недавно в турне по югу Франции.

Организаторша этой группы Нина Александровна Канфиельд, дала группе настоящий казачий вид: посадила казаков на кровных лошадей, сама лично сшила все необходимое обмундирование, начиная с черкесок, папах и т. п.

Казачи выступили одетыми с иголки и при вступлении в гор. Арли, где была дана первая джигитовка, команда почувствовала наперед свою победу над арлинцами.

Улицы города были буквально запружены публикой, приветствовавшей джигитов, с возгласами „козак“, „джигит“.

Сотник Д. И. Попов делает опасный обрыв.

Нина Александровна Канфиельд (родом сибирячка), жена американского полковника, организаторша и финансистка группы джигитов на юге Франции.

Казачи весело отвечали на приветствия и все же чувствовалось в этой как будто непринужденной веселости мысль: а завтра? Завтра нужно победить арлинцев не только внешним видом и посадкой на лошади, — а удалую казачью.

В 2½ часа команда в'езжает на плац приготовленный для джигитовки. Публика неистовствует, приветствуя джигитов.

Точно в 3 часа трубач дает знать о начале джигитовки. В публике воцарилась мертвая тишина, а казаки, как бы машинально, надвинули еще глубже папахи.

С гиком выскочил с фронта проводивший перед казак.

Закипела кровь казака Тихого Дона, забурлила — Полноводной Кубани, и взбушевала — Быстрого Терекка. И, как в старь, как в молодые годы начали делать казаки лихие скачки на обе стороны, опасные, приводящие в ужас публику, обрывы и другие сложные номера.

Публика с замиранием следила за каждым номером и при окончании, как бы очнувшись, разражалась громом аплодисментов.

Джигитовка закончилась под бурю оваций, устроенных арлинцами, а видные представители города и журналисты явились лично заверить свои искренние восторги от джигитовки, говоря „мы первый раз видим таких казаков“.

С Богом, казаки, в триумфальное турне!

Черноморец С. И. Шепель.

КазакИ в Бухаресте.

В воскресенье, 7 сентября, казаки в Бухаресте решили в память своего пребывания на чужбине сфотографироваться.

После с'емки все казаки, казачки, дети и старики, заняли просторную залу в одном из ресторанов и началась казачья пир-беседушка. Пили за Вольное Казачество и за его Вождей. Пили и за все Казачество. Казаки благодарили возглавляющего группу С. М. Маргушина и его ближайших сотрудников по объединению казаков: Ф. Ф. Земцова, А. С. Наумова, А. Ф. Солдатова, М. Е. Лукьянова и Н. Н. Воробьева.

В дружеской беседе С. М. Маргушин подчеркивал важность единения казаков во имя Казачества и сове-

тывал казакам не расплыться по чуждым русским партиям, а держаться своего родного Вольного Казачества.

Бывший Атаман ст. Романовской на Дону Е. П. Погожев и хут. Атаман Б. И. Сидоров воскресили былые образы казачьей старины. Пели донские, кубанские, терские и другие казачьи песни. Хорошо пропел „Казнь Разина“ донец А. Бабкин. Великолепно спел из „Запорожца за Дунаем“ кубанец Найда. Недурно заводил казачьи песни новый казак из донских коренных крестьян Е. Деркунов.

К вечеру семейные казаки и старики стали расходиться по домам, а молодежь и холостяки остались еще продолжать свою пир-беседушку.

В. Дремачев.

Казачья группа в Бухаресте.

В К а з а к и и.

Неиспользованные богатства Кубани.

(К импорту литографского камня).

Человечество приспособится к каким угодно законам, и не может приспособиться только к одному — к большевизму, т. е. жить в неопределенности, без законов.

„В. К.“ № 48.

„Кубанское Казачество в течении всего десятилетия Советской власти на Кубани, за свои „вольные и не вольные“ прегрешения, держалось на положении пасынков в советской семье, не привлекалось к общественным делам, к советской работе в станице“ — пишет „правоверный“ коммунист В. Черный. Оно находилось, если не под подозрением, то „на заметке“, издали наблюдая, как идут дела у большевиков и как постепенно „медленно, но верно“ разоряются Казачьи Земли и уничтожается само Казачество... Только в отношении взаимия продналога и размещения принудительных советских займов Казачеству предоставлено „почетное“ место среди многих других угнетаемых народностей населяющих СССР. Разрушать, грабить и по новому распределять награбленное (пятилетка), — вот единственные сказуемые, которые невольно напрашиваются для отвратительного подлежащего — большевик. Поэтому, каким лицемерием и злой иронией звучат слова московских коммунистов „о развитии ими экономической жизни (в подневольной) Кубани и о принятии во-

внимание специфической природы Казачьих Земель“! (подлинные слова московского „самодержца“ — Сталина). К несчастью, ложь обладает ужасным свойством и уже в глубокой древности сказал римлянин Цицерон: „Ложь так тесно примешана к правде и так похожа на нее, что нет верных признаков, по которым можно отличить одну от другой“.

Правда, большевицкой лжи в национальном вопросе теперь уже никто не верит, но изо дня в день треская, советская „самореклама“ о своих якобы сверх успехах на экономическом фронте — (догнать и перегнать Америку) заставляет некоторых легковверных иностранцев делать попытки завязать торговые сношения с большевиками и даже предоставлять им некоторые кредиты.

Полученные деньги большевики б. ч. употребляют на коммунистическую пропаганду и для разрушения „строга и порядка“ государств, открывших так неосмотрительно им кредиты... На страницах „В. К.“ отмечалось не раз, как большевики, нисколько не считаясь с голодающим населением, вывозят и распродают за бесенок иностранцам достойные Казачьих Земель. Для большевиков „до зарезу“ нужна иностранная валюта, и, кроме того, своими „ниже себестоимости“ ценами они хотят деморозировать международный рынок, сбить значительно цены на товары, разорить ряд иностранных предприятий, вызвать безработицу, и в конце концов „зажечь факел мировой революции“. Правда, хотя на мировую революцию почти нет ни каких надежд и сотни и тысячи рабочих вместе со своими вождями и газетами (как например в Чехии) выступают из ком-

мунистических рядов, но все же „безумное разбазаривание“ и продажа с товаров по неслыханно низким ценам, принесли иностранцам значительные убытки; ряд фабрик и заводов не выдержав „цен ниже себе стоимости“, принужден был закрыться и расчитать своих служащих.

От советского „почти дарового“ экспорта страдает промышленность и сельское хозяйство Англии, Америки, Германии... В Германии сильно пострадала лесопромышленность, масса народа очутилась без работы. Вполне понятна новая тревога германской прессы по поводу затей русских большевиков развить у себя „собственную полиграфическую промышленность“ и даже экспортировать за границу ее продукцию по ценам ниже себе стоимости. Пословица говорит, что „паны дерутся, а у хлопьев чубы трещат“. Дело в том, что весь „сыр бор“ загорелся из за разработки литографского камня, находящегося на территории Кубани...

По поводу разработок литографского камня на Кубани помещена в № 134 „Экономической жизни“ от 5 августа 1930 г. весьма интересная статья, хотя как большинство большевицких „писаний“ и не совсем... правдоподобная. В этой статье пишется следующее: „Много миллионов топчется нашими ногами, их не подбирают, к ним пренебрежительно относятся. Единственно, чем пробуют в таких случаях оправдаться, это ссылкой на то, что „миллионы“ не были замечены, не подозревали, не знали об их существовании. Но интересно, что скажет полиграфическая промышленность, отлично знающая о возможности использовать Кубанский литографский камень, вместо заграничного? Что заставляет ее и по сей день игнорировать значительные залежи этого камня в районе станицы Крымской и Неберджаевской, где его целые горы, и при этом, весьма удобные для разработки! Быть может литографский камень только и годится, что для вывоза за границу под видом тротуарных плит? А такой „экспорт“ оказывается практиковался в Кубанском Крае еще до германской войны, при царском правительстве! Некоторые уверяют, что эти самые „тротуарные плиты“ возвращались к нам обратно из Германии под видом „германского“ литографского камня.

О том, что для тротуаров у нас употребляли литографский камень, говорил не раз б. Екатеринбургский городской голова Г. С. Чистяков задолго до мировой войны... Б. Росийскому правительству не было выгодно экономическое развитие ее „окраин“ и оно весьма, по правде сказать, талантливо всеми правдами и неправдами задерживало „буйный“ рост Казачьих Земель.

В начале войны возможностью добывать на Кубани превосходный материал заинтересовались американцы, но по „независимым обстоятельствам“ они уехали, ничего не добившись от русского правительства. Заинтересовались „печатным“ камнем и жители счастливых мест нахождения каменоломен. Для этой цели была снаряжена специальная исследовательная экспедиция еще в 1914 году, которая проработала свыше двух месяцев. Больше того, стали даже прокладывать железно-дорожную ветку к месту залежей камня. Был собран капитал и предполагалось начать вскоре правильную их разработку. Но б. Императорское правительство зорко следило за всем, происходящим на Казачьих Землях, и все намечавшиеся разработки „типографского“ камня были в обеих станицах, в полном смысле этого слова, сданы в „архив“ на неопределенное время... А в одном авторитетном исследовании специалистов сказано про кубанский камень: „Пригоден для многокрасочных работ и несколько не уступает заграничным (баварским) камням“. Однако, в одном наш кубанский литографский камень все же уступает германскому: заграничный камень обходился от 500 до 1000 рублей, а кубанский, по предварительным расчетам, обошелся бы не дороже ста рублей...“

Оккупация Казачьих Земель красной Москвой надолго задержала разработку залежей камня. Инж. Попов, выдвинувший недавно вопрос о кубанском камне, пишет, что лишь только летом 1929 г. пробуждается интерес к камню, но о добытых ранее материалах обследования и геологической разведки никто ничего

не знает и эти материалы до сих пор еще в архиве не обнаружены!

В 1930 г. специальное совещание в Кустотделе В. С. Н. Х. решило принять ряд мер, способных не только освободить русскую (и Кубанскую) полиграфическую промышленность от ввоза литографского камня, но и способствовать его экспорту. Совещание предложило, между прочим, полиграфоб'единению срочно представить спецификацию и размеры требующихся ему на 1930—31 г. литографских камней. Но вот уже прошло несколько месяцев, как В. С. Н. Х. не получает „срочных“ спецификаций. „Неужели наша полиграфическая промышленность не интересуется возможностью заменить импортный продукт своим собственным?“ — изумляется большевицкая газета „Экономическая жизнь“.

Как известно, для выработки литографского камня нужны специальные буровые и резательные машины, с дорого стоящими алмазными бурами и пилами. СССР эгих машин сама не производит, и поэтому все это, конечно, придется выписывать из заграницы, что при теперешнем „плачевном“ состоянии с. финансов, вряд ли возможно. Т. о., надежды большевиков на скорую разработку и экспорт кубанского камня, вряд ли оправдаются, по крайней мере, в ближайшем будущем...

Неудачные большевицкие „затеи“ в Кубанском Крае лишний раз подтвердили всю бесплодность попыток м. коммунистов „хозяйничать“ на Казачьей Земле без исконного ее владельца — В. Казачества.

О. Батурин.

Что делают большевики?

Перед нами несколько номеров большевицких газет: „Молота“ (выходит в Ростове) и „Красного Знамени“ (выходит в Краснодаре). Чтобы иметь некоторое представление о том, что делают московские оккупанты в наших Краях, достаточно просмотреть заголовки их статей и их... бесконечные „лозунги“.

Вот некоторые из них:

Из „Молота“: „100 процентов плана второго года пятилетки — дело пролетарской чести каждого завода“. „Лучший ответ вредителям — полное выполнение промплана“ (пятилетки). „Нет пощады организаторам производственных затруднений“. „Непримеримую классовую линию — в каждый аппарат!“ „Новые тысячи выдвиженцев влить в советский аппарат. Аппарат лечить и чистить, чистить и лечить — говорят выдвиженцы севкавгосторга“.

„Из пятидневки — в пятидневку удваивать, утраивать темпы хлебозаготовок, засеивать больше гектаров. Ослабление темпов хлебозаготовок и сева бьет по завоеванным позициям и коллективизации. В беспощадной схватке с кулаком, непримиримым отпором оппортунистам завершить сплошную коллективизацию Северного Кавказа“. „Победить в борьбе за хлеб!“ „Осенний сев, уборка урожая — мощные рычаги коллективизации“. „Мобилизовать всю силу и энергию для реализации планов заготовок, осеннего сева и коллективизации“.

„Угроза срыва сентябрьского плана растет. Четвертая пятидневка по хлебозаготовкам дала снижение на 16 тысяч тонн. Проверить и немедленно реализовать твердые задания кулацко-зажиточным хозяйствам. Покончить с правооппортунистической ставкой на самотек. Включить в хлебный конвейер все колхозы, взять на буксир единоличный сектор. Отстающие районы, все силы, всю энергию — на ликвидацию прорывов!“

Из „Красного Знамени“ („Червоний Стяг“):

„Вступаем в решающую пятидневку ударного месяца“. „Нет пощады контр-революционным вредителям — организаторам голода. Больше классовой бдительности. Выше ударные темпы работы. Усиление социалистического наступления ответим на вылазки классовых врагов. Крепче сомкнем ряды вокруг партии. На вылазку классовых врагов — ответим ликвидацией прорывов“.

„Новые тысячи бедняков и середняков — в колхо-

зы. Правильным распределением урожая, поднятием трудовой дисциплины, успешным проведением второго большевицкого сева — нанесем крепкий удар по проявлениям правого уклона на практике, по кулаку и кулацким настроениям и обеспечим новые решающие успехи сплошной коллективизации“.

„Старо-Корсунцы проглядели кулака. Укланяясь от выполнения твердых заданий, кулаки спекулируют хлебом и гноят его в земле. Усилить борьбу с вредительством классового врага, выжечь оппортунистическое потворствование кулаку, заставив его выполнить стансоветские задания по хлебу“. „Расхлябанность — зло колхоза“.

„Каждый шнур табака — на учет. Краснодарский район должен стать мощной сырьевой базой нашей легкой промышленности. Беспощадно бить по неповоротливости и безответственности срывающих уборку технических культур“.

„Октябрь, ноябрь и декабрь — трехмесячник большевицкого штурма“.

„Выполним сентябрьский план в срок. Месячный план хлебозаготовок по Краснодарскому району к 25 сентября выполнен — только на 58%... Темп хлебозаготовки далеко не обеспечивает выполнения месячного плана к сроку. Особенно отстают ст. ст.: Динская, Елисаветинская, Ново-Мышастовская, Пашковская, Старо-Мышастовская и Старо-Корсунская. Все эти станицы имеют крупное задание по хлебу и слабый темп хлебозаготовок в них резко сказывается на общем по районам выполнении плана.“

„На вредительство классового врага трудящиеся массы отвечают еще большим сплочением вокруг генеральной линии партии.“

„Промфинплан выполняется и перевыполняется там, где больше подлинных энтузиастов коммунистического труда. Ознаменуем всесоюзный день ударника победного завершения второго года пятилетки, боевой подготовкой к трехмесячнику большевицкого штурма, новым приливом рабочих в ударное движение“.

„Колхозники первыми должны начать и закончить сев, увлечь остающихся еще вне колхоза единоличников товарищеским вниманием и помощью в севе, помочь им изжить колебания и стать на путь артельной работы“.

„Марьянцы сдают позиции в борьбе за хлеб. Только на 67,1 проц. выполнил сентябрьский план заготовок колхоз ст. Марьянской. Единоличники той же станицы выполнили сентябрьское задание по хлебу только на 49,2 проц. Объявим беспощадную борьбу лодырям, прогульщикам и рвачам, срывающим хлебозаготовки“.

„Разбить кулацкое сопротивление“. „Кулаки не выполняют заданий“.

— Эти выписки можно было бы продолжать бесконечно. Но, думаем, что и этого достаточно, чтобы получить представление о том, что делают большевики у нас дома. Из всего приведенного выше ясно, что война, собственно, там продолжается. Нет мира и нет примирения в Казачьих Землях с оккупантами.

Нарисованную выше картину можно было бы представить себе сегодня так. Большевики „перегрузили“ наше население своей непомерной, современной „барщиной“ (крепостное право!). Ясно, что, несмотря на все воинственные методы „работы“ большевиков, советский „воз“ в Казаккии „загруз“. „Господа положения“ не только бьют по населению, но еще и... весьма громко кричат. Человеческие силы нашего населения ограничены. В своей „нагрузке“ большевики давно перешли предел. Вот почему сейчас не помогают им уже ни удары ни крики... Но, одновременно растет и сила сопротивления поработителям. И поэтому недалеко то время, когда роли несколько изменятся: поработенные ныне народы, сжав кулаки, крикнут в свое время и надлежащим образом и по адресу ненавистных угнетателей... .

Темрюк.

Темрюк — до невозможности пыльный и заспаный городок, скорее напоминающий село. Улицы нелепо изогнуты и все круто сбегает к Кубанским плавням. Чтобы найти почту надо пройти от „Дома крестьянина и казака“, вверх по улице, пересечь почти всю

базарную площадь, по которой, гонимые ветром, убегают от огромных движущихся куч песка взлохмаченные куры, повернуть направо по крутопадающей вниз немогущей улице, завернуть влево... На почте вы непременно увидите мирно дремлющего за решеткой телеграфиста, у которого нельзя купить по случаю понедельника ни открытки, ни марки.

С почты вас потянет вниз, к плавням. Внизу улица внезапно переходит в так называемое „саше“, мощное грубым булыжником. Вы идете и спотыкаетесь, протираете песком засыпанные глаза и обязательно думаете:

— Хорошо бы пройтись по этому „саше“ тяжелым катком, хорошо бы хоть чуть-чуть полить эту улицу... И вы рады, если видите унылую клячу, едва волочащую огромную бочку, из которой сквозь щели между разохшимися клепками хлещет во все стороны, словно из огромной лейки, вода. Впрочем, это не помогает... Надо миллионы бочек израсходовать, чтобы утихомирить темрюкскую пыль.

„Саше“ (читай — „шоссе“) упирается в стену белого домика. Немного вправо, отделенное канавой, поросшее рыжей щетиной, снова идет „саше“, огибает домик и неожиданно теряется в зарослях куги и камыша. С двух сторон его омывают мутные воды, даже в плавнях не освободившиеся от глинистого ила Кубани.

В полусажен от узкого шоссе, перешейком вбегающего в плавни, по брюхо в воде стоит лошадь, запряженная в телегу с бочкой. Лошадь лениво купает морду и хвост в воде, прядая при каждом стуке черпака: это набирают воду для питья.

Белый домик, не имеющий ни на улицу, ни на плавни окон, сполз вплотную к воде. Прямо, утыкаясь носами в его стену, стоят „байды“ — небольшие плоскородные лодки, все до одной груженные пахучей зеленой лозой. Темрючане из этой лозы плетут корзины и продают их в Керчи, Мариуполе и других приморских городах. Темрюк — кустарный и полупромышленный городок, если принять во внимание существование государственной и артельной консервных фабрик.

Не пытайтесь говорить с темрюкскими кустарями об их работе: они не будут говорить о ней. Другое дело, если вы заговорите о курортах. Тут они вам порасскажут о былых временах, о том — сколько народа в прежние годы приезжало в Темрюк, сколько зарабатывали местные жители на сдаче комнат, на кормлении.

— А теперь?

— Та що тепер... Курорт перевели от нас в глушь и сами видите — в Темрюке осталась только скука да пыль...

Я вчера был у этого домика, стеной упершегося в плавни. Он со всех сторон окружен забором. За забором по двору мечется невидимая собака, хрипит и лает на меня. Кажется, она готова меня разорвать. Но со двора нет выхода, забор, словно заколдованная стена, охраняющая спящее царство двора, не выпускает собаку. Ей остается, захлебываясь от раздражения, бежать вдоль забора со стороны „заколдованного царства“ и, не видя меня, лаять на мои шаги...

Не случайно мне вспомнилась сказка о спящем царстве. Весь Темрюк — это царство, погруженное в непробудный сон.

Вчера я весь вечер бродил по городу, в надежде заметить „признаки жизни“. Увы! Я не заметил их... Единственная столовая закрылась в пятом часу. Посетители ее разбрелись куда-то, на мгновение оживив улицы, и снова стало нестерпимо тихо и безлюдно. Напрасно взывала к пустой базарной площади витрина кино, освещенная одной угольной лампочкой, — сеанс так и не состоялся, и мне вернули деньги за неиспользованный билет...

— Но ведь это торговый городок, — думал я, — не может быть, чтобы так-таки все в нем заснуло. Вот вчера я был на фабрике, где работают 14 человек. Здесь есть кустари-корзинщики, есть молодежь... Собираются же они где нибудь, как нибудь проводят же время...

В глаза мне бросилась вывеска аптеки. Я машинально зашел туда. Мрачное помещение со специфическим запахом. На потолке горит в матовом плафоне элек-

трическая лампочка. Ряды шкафов с непонятными латинскими надписями на белых, эмалированных дощечках. За высоким прилавком неподвижно стояли две женщины — обе в очках, и как то странно смотрели на меня. Я, вероятно, смутился, т. к. вдруг, обе женщины неестественно улыбнулись, обнажив неровные и страшные зубы. „Вот оне, злые волшебницы! — мелькнуло у меня, — это они заколдовали городок и отдали его во власть наступающим от Кубани и Азовского моря плавням“...

— Что угодно?.. — спросила одна волшебница.

Нет ли зубочисток? — спросил я первое, что пришло на ум.

— Зубочисток не держим.

— Тогда извините... — пробормотал я, направляясь к выходу. У двери я еще раз оглянулся с тайной надеждой, что вдруг одна из этих женщин сядет верхом на помело, распустит волосы и метнется в трубу вентилятора... Тогда я возьму пузырек, брызну на нее чудодейственной жидкостью и... вмиг рассыплется злая волшебница, разом спадут чары с замороженного городка и вторая, стоящая за прилавком, превратится в неописуемую красавицу... Она возьмет меня за руку и поведет по проснушемуся царству, покажет мне кустарей корзинщиков, покажет веселую молодежь, покажет отвоеванное у плавней плодородное пространство...

Но за мной только ржаво скрипнула дверь... И снова я один на пустой и пыльной базарной площади, где все живое зачахло, сожженное немилосердным солнцем...

У моих ног раздался отчаянный писк. Я вздрогнул и отступил назад. В реденькой, чахлой и пыльной траве трепыхался птенец. Он беспомощно раскрывал рот, топорщил крылышки и не мог выбиться из травы. Над моей головой с неистовым щебетом носились ласточки. Я посмотрел вверх. Над карнизом под крышей аптеки прилепилось не меньше полсотни ласточкиных гнезд. Вот откуда выпал беспомощный птенец.

Я поднял его — и сквозь перышки чувствовал свою ладонь биение маленького птичьего сердца. Я стоял посреди улицы, не зная, что мне делать, и слушал, как щебетала надо мной стая ласточек.

Сегодня меньше „байд“ приткнулось к белой стене маленького дворца зачарованного царства. Не было и унылой клячи, купающей хвост и морду в воде. Сквозь острые верхушки камыша просвечивало солнце и предзакатным розовым пламенем отразало свой блеск на белой стене. Ветра не чувствовалось, но камыши низко кланялись в сторону Темрюка и о чем-то шепотом рассказывали ему.

Я больше не слышал собачьего лая — он постепенно сгас. Ни около домика, ни на теряющемся в плавнях „саше“, ни у байд не было никого. Нет, я — действительно — в сказке о спящем царстве! Немного жутко... Я боюсь пошевелинуться — вдруг откуда-нибудь, вон из того зеленого клок чакки вынырнет чудовище, непохожее ни на человека, ни на животное?.. Плавни двинутся на меня, на город... Недаром так отчаянно мотается камыш, это он собираается сойти с места. Вон остролистная куга протягивается ко мне, щекочет лицо... Вода подступила к самым моим ногам, желтая, мутная вода... Я один, даже собака не тявкнет. Шевелятся, словно тюлени, мрачные, пустобрюхие „байды“... Сейчас начнется что-то невообразимое, от чего нет спасения, что неизбежно, как смерть.

... Кепка слетела с моей головы и упала в воду. Камыш двинулся на меня. „Гирло“ Кубани уже омывало мои колени... И я один сейчас увижу трагедию, какой не переживал мир...

— Эй! Есть тут живой человек? — закричал я.

Ближайшая ко мне „байда“ странно шевельнулась и произнесла:

— По смерть ходишь или живых ищешь?

Я вздрогнул. В это время из „байды“ высунулась влажмаченная голова. Два заспанных глаза уставились

на меня очень пристально. Потом человек встал на ноги, зевнул и проговорил:

— Ветрище то какой!.. Я посмотрел на город — он весь утонул в клубах желтовато-серой пыли.

— Ехать надо? — услышал я.

— Да... До Джигинского вала...

— Садись, за три карбованца доставлю... На парусе пойдем, скоро.

Я сел в неустойчивую „байду“. Байдарщик долго возился с парусом. Когда все было готово, ветер рванул нас и поволол прямо сквозь зыбкие заросли камыша и куги. Через две минуты „сонное царство“ осталось позади, отделенное от меня пахучими и шелестящими плавнями. Я посмотрел на Темрюк и насчитал в нем четыре церкви. Четыре ярко сверкавших на солнце креста еще долго были видны мне, молча прикурнувшего под парусом.

Алексей Тверяк. — „Прожектор“.

Урожай 1930 года и ход хлебозаготовок.

Урожай этого года значительно превосходит урожаи, которые мы имели за все предыдущие годы революции. Он превосходит и те урожаи, которые знала старая дореволюционная Россия. Нет никакого сомнения в том, что урожай этого года значительно повышает товарность индивидуального крестьянского хозяйства. Огромную же массу хлеба в этом году может выбросить социалистический сектор сельского хозяйства — совхозы и колхозы.

Несмотря на эти благоприятные условия, хлебозаготовительная кампания в этом году, особенно в нашем Краснодарском районе, проходит чрезвычайно неудовлетворительно.

Годовой план хлебозаготовок по Краснодарскому району выполнен только на 47,5 проц.; по колхозному сектору — на 42,5 проц., а по единоличному — 51,1 проц. Эти цифры, казалось бы, должны вызвать тревогу со стороны партийных, советских и заготовительных организаций. Однако, этого как раз и не видно. Сентябрь является решающим месяцем в деле выполнения плана хлебозаготовок. Между тем с выполнением плана хлебозаготовок дело обстоит безобразно плохо. Так, сентябрьский план хлебозаготовок выполнен в среднем только на 43,8 проц., по колхозному сектору — на 36,1 проц., по индивидуальному — на 51,3 проц.

Таким образом отстает, как по годовому, так и по месячному выполнению плана, колхозный сектор. И это тогда, когда колхозный сектор должен явиться примером для единоличных бедняцко-средняцких хозяйств.

(„Красное Знамя“, 22 сент.).

Москва недовольна.

За первую половину сентября месячный план хлебозаготовок на Северном Кавказе выполнен на 32%. Третья пятидневка перелома не дала. Темпы по-прежнему остаются неудовлетворительными.

(„Правда“, 19 сент.).

Северный Кавказ позорно отстает.

Мобилизация средств сельского населения Северного Кавказа проходит чрезвычайно вялым темпом. Квартальный (на четверть года) план сбора разных сельских поступлений выполнен по Краю, по сведениям на 10 августа, только на 25,8 проц.

По отдельным видам поступлений имеется следующая, далеко не утешительная картина. Сельхозналога собрано всего 35 проц., ссуды по с.-х. кредиту — 12,6 проц., авансы по контракции — 27,6 проц. Особенно скверно идет реализация займа „пятилетка в 4 года“, — выполнено всего 16 проц. плана.

(„Экономическая жизнь“, 11 сентября).

В СССР.

(Из доклада бежавшего из Соловков).

Послушать человека, только 29 августа этого года перешедшего границу СССР, пришло очень много Пращской Российской эмиграции. Председатель, калмыковский лицом чернявый младорос, представил собранию докладчика, как простого крестьянина, за свои религиозные убеждения угодившего в один из Соловецких концлагерей.

Докладчик — человек средних лет, худой, с острым носом на сухом скуластом лице, с коротко, под машинку остриженными волосами, действительно еще носят некую печать от „райской“ жизни на челе.

Однако, этот „простой крестьянин“ довольно бойко читает складно написанный доклад, делает смелые экскурсии в недра политических учений, сжато и связно передает события, приводит смелые и оригинальные сравнения... Только характерные произношения некоторых слов, вроде: „проценты“, „роман“, „молодежь“ — с ударением на первых слогах, да „милианеры“, „мыслей“ — с ударением на последнем слоге, выдают в нем полуинтеллигента из народа.

Ровным, несколько вкрадчивым голосом начетчика два часа читал он доклад о жизни подсоветской на воле и в неволе. Сделав беглый обзор жизни русских крестьян до войны, во время войны, в революции и после революции, докладчик с заметным удовольствием остановился и подробно изложил темп и размеры советского строительства, их достижения и совершенства совлаптата.

В годы по ликвидации гражданской войны, советская власть, поддерживаемая искренней симпатией народной толчи, которая, будучи впервые призванной к участию в государственном строительстве, с энтузиазмом выбрасывала из своих недр свежие творческие силы, лихорадочно принялась отстраиваться и налаживать взбудораженную жизнь. По словам докладчика, всюду зашумели машины, загудели всякие Волхвострой, Сельмаши, один за одним появлялись уютные рабочие городки, мужики от'едались и деревня принимала довоенный вид.

Но, как снег на голову, налетела коллективизация. Мужик испугался, обалдел, растерялся и началась резня скота, поголовный пропой всего добра перед перспективой отдачи в колхозы. Коллективизация встретила отчаянное сопротивление сельской массы, но советская власть, мытьем и катаньем, хитростью и репрессиями, при поддержке сотен высылаемых из центра сознательных рабочих, провела коллективизацию по всей территории Совсоюза.

На своем пути от Москвы до Кавказа, от Кавказа до Польской границы, докладчик всюду видел колхозы, которые расположились на лучших землях, снабжены всякими видами машин, и при самой интенсивной поддержке правительства развивают хозяйство коллектива, стараясь покрыть всю Россию сетью зерновых фабрик и государственных скотоводств. Каждый колхоз имеет своих агрономов, докторов, свои школы, все и все...

Наблюдая, с каким увлечением рассказывает докладчик о советском строительстве, о колхозах, о совершенстве советского аппарата, сперва кажется, что перед вами обыкновенный агитатор, но когда он переходит к обрисовке теперешней жизни крестьян, когда он начинает объяснять сущность „диктатуры пролетариата“, говорит о нуждах и недостатках населения, о ты-

сячах и тысячах высылаемых в Сибирь за сопротивление колхозным мероприятиям, то вы начинаете верить, что перед вами человек, рассказывающий все, что видел и как воспринимал. Население, несмотря на неприхотливость мужика, как в еде и в одежде, бедствует, голыми, правда не ходят, с голоду не умирают, но беднота и недоедание вопиющие.

Жутким ужасом веет от рассказа докладчика о жизни ссыльных в концетрационных лагерях. Докладчик знает только о Соловецких лагерях. Вся Карелия, все Соловецкие острова, все тысячеверстное протяжение Мурманской желелной дороги усеяно разными лагерями, пунктами, командировками ссыльных. 300,000 молодых и здоровых жизней, голые и босые, голодные и больные, пачками умирая, в холод, в жар, в сылянь и в снег, подгоняемые надсмотрщиками из своей же среды за лишний грамм жира, за возможность лишнего куска мяса в месяц вытягивающих из несчастного своего собрата последние силы, трудятся на лесных и каменных работах с очень слабой надеждой вырваться на свободу. Время от времени куда-то, с „широких глаз“ увозятся партии неизлечимо больных и изуродованных болезнью людей, якобы на лечение.

Но убыль с лихвой пополняется. Страшное ОГПУ, это государство в государстве, имеющее свои законы, свою прекрасно вооруженную и богато снабженную армию, даже свою „культуру“, как сказал докладчик, ежедневно пачками пополняет Соловецкие лагеря всеми цветами населения России. 6 отделений, 200 пунктов и командировок непрерывно пополняются из 3 распределительных пунктов. Сам докладчик был заведывающим базисным складом и ему, чтобы не умереть, приходилось подгонять до изнеможения своих же несчастных братьев-ссыльных.

Население Совроссии перестало бояться тюрем, которые переполнены, а потому власть так широко практикует ссылки в концлагери, которые только и пугают население, так как оттуда мало кто возвращается.

„Советская власть, как никакая другая, близко подошла к народу и, как никакая другая, глубоко возвращает его“ — говорит докладчик. Школы выпускают грубую, невежественную, преданную власти молодежь, на помощь приходит печать, кино, всякие спектакли, митинги и в результате — религия в загоне, семья разрушена, быт перевернут вверх ногами, царит разврат и все виды проявлений человеческой гнусности. Старики ненавидят молодежь, молодежь стариков, население наугано и безвольно, власть крепка, сильна организацией, преданными людьми и волевой кучкой верхушки...

Так рассказывал человек, только что выехавший „оттуда“. Слабо звучит после всего этого метод докладчика по спасению России. Путанно и неубедительно звучали его слова об обращении к Богу, к религии и, к какой-то, „природной культуре“ человека, к „огню сознания“.

Почти в самом начале своего доклада он разочаровал наперед слушателей, заявив, что все расчеты на скорое падение власти в Совсоюзе и желание тех или иных лиц и группировок играть всякие роли — напрасные мечтания.

После доклада должен был быть обмен мнениями, но это было уже не интересно.

Докладчика зовут Ксенофонтий Матвеевич Соловьев.

Ш. Н.

Казаки!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество---Вільне Козацтво“.

В редакции „В. К.“ продается книга И. Ф. Быкадорова
 „ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА“. Кн. I.
 Цена 20 корон ч.-сл. (0.60 ам. долл.).

Открыта подписка
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
 „ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochová, 130. Tchecoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.